

Алиса Громова

НАСЛЕДНИК ДЛЯ
МИЛЛИАРДЕРА

ТЫ (НЕ) СБЕЖИШЬ

Алиса Громова

Наследник для Миллиардера.

Ты (не) сбежишь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73106233

SelfPub; 2026

Аннотация

Я скрывала сына от отца три года. Но сегодня новый владелец компании вызвал меня в кабинет, и это... ОН.

Дамиан Барский. Миллиардер, "Акула" бизнеса и отец моего ребенка. Он не помнит имя той, с кем провел одну безумную ночь, но он никогда не упускает свое.

Я думала, что смогу сбежать. Но он запер дверь и положил на стол контракт.

– Ты станешь моей фиктивной женой на полгода, – его голос режет сталь. – Получишь защиту и деньги. Откажешься – я уничтожу твою карьеру и ты окажешься на улице.

У меня нет выбора. Я согласилась.

Но он еще не знает, что в моей квартире его ждет маленький сюрприз с его серыми глазами... И когда правда вскроется, этот фиктивный брак превратится в настоящую войну.

♥# В книге:

Одержимый герой, который не знает слова "нет"

Героиня с характером и тайной

Ребенок, который изменит всё
ХЭ (Счастливый конец) гарантирован!

Содержание

Глава 1. Новый владелец	5
Глава 2. Цена ошибки	31
Глава 3. Точка невозврата	54
Глава 4. Чужая кожа	74
Глава 5. Огранка	95
Глава 6. Под прицелом	108
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Алиса Громова Наследник для Миллиардера. Ты (не) сбежишь

Глава 1. Новый владелец

Будильник не прозвенел. Точнее, он, наверное, звонил, захлабываясь своей стандартной мерзкой трелью, но я, провалявшаяся в сон всего три часа назад, просто выключила его на автомате.

Когда я открыла глаза и увидела на экране телефона «08:15», сердце не просто екнуло – оно рухнуло куда-то в район желудка, покрываясь ледяной коркой ужаса.

– Черт! Черт, черт, черт! – Я подскочила с кровати, путаясь в одеяле. Нога зацепилась за край простыни, и я едва не полетела носом в пол, чудом удержав равновесие.

Сегодня. Именно сегодня. В день, когда в холдинге «Астра» должны представить нового владельца. Того самого «мясника», о котором в курилке шептались уже две недели с дрожью в голосе. Говорили, что он увольняет за кривой узел галстука. Что он режет штаты, не глядя на стаж и заслуги.

А я – младший помощник руководителя отдела маркетинга. Пешка. Расходный материал. И я опаздываю.

– Миша! Солнышко, вставай! – я ворвалась в детскую, на ходу стягивая пижаму.

В комнате пахло теплым молоком и сонным ребенком – запахом, который обычно действовал на меня как успокоительное. Но не сейчас. Сейчас он пах катастрофой.

Миша спал, раскинув руки, обнимая плюшевого медведя, у которого не хватало одного глаза – результат нашей недавней стирки.

– Зайчик, просыпайся, мы опаздываем в садик! – я потрясла его за плечо, чувствуя себя последней сволочью. Будить ребенка в такую рань – преступление.

Сын недовольно поморщился, открыл один глаз – такой же серый, как свинцовое небо за окном, – и сразу же закрыл его обратно. – Не хочу, – пробурчал он в подушку. – Хочу спать. И мультик.

– Мультик будет вечером, обещаю. И мороженое. Если мы сейчас встанем за пять минут. Время пошло! – я включила «режим генерала», хотя руки тряслись, пока я вытаскивала из шкафа его колготки.

Двадцать минут спустя мы вылетели из подъезда. Питерское небо, как обычно, решило, что нам не хватает водных процедур, и щедро поливало город мелкой, противной моросью. Зонт я, конечно же, забыла.

– Мам, лужа! – радостно возвестил Миша, прыгая пря-

мо в центр грязного месива. Брызги полетели на мои светлые брюки. Единственные приличные брюки, которые сочетались с блузкой.

Я замерла, глядя на серые пятна, расплывающиеся по ткани чуть ниже колена. Хотелось сесть прямо здесь, на мокрый асфальт, и зареветь. Просто разрыдаться в голос от бессилия, от хронического недосыпа, от того, что денег на химчистку нет, а до зарплаты еще неделя, и нужно заплатить за садик, и купить Мише зимние ботинки, потому что из старых он вырос...

– Мама? – Миша испуганно затих, глядя на меня снизу вверх.

Я глубоко вздохнула, загоня истерику обратно в горло. Нельзя. Я взрослая. Я мама. Я справлюсь.

– Ничего страшного, герой, – выдавила я улыбку, доставая влажные салфетки. – Сейчас почистим. Ты же охотник на лужи, да?

В садик мы бежали за минуту до закрытия группы. Воспитательница, Анна Петровна, посмотрела на меня с укоризной поверх очков, но ничего не сказала. Только когда я целовала Мишу в макушку, пахнущую детским шампунем, она тихо вздохнула: – Елена Дмитриевна, вы бледная совсем. Отдохнуть бы вам.

– На том свете отдохнем, Анна Петровна, – отшутилась я, хотя внутри все сжалось. – Вечером заберу как обычно, в шесть!

Я выскочила на улицу и побежала к метро. Такси я позволить себе не могла – утренний тариф «комфорт» стоил как три моих обеда.

В вагоне было душно и тесно. Меня зажали между крупным мужчиной, пахнущим перегаром, и студенткой с огромным рюкзаком, который впивался мне в ребра. Я пыталась оттереть пятно на брюках, но только размазывала грязь, превращая её в мокрое размытое облако. Ладно. Буду сидеть за столом и не вставать. Или прикроюсь папкой.

«Главное – не попасться Ему на глаза», – билась в голове паническая мысль.

О новом владельце, Дамиане Барском, ходили легенды. Говорили, что он купил наш холдинг не ради прибыли, а чтобы уничтожить конкурента. Что у него вместо сердца калькулятор. Что он не прощает ошибок.

Моя ошибка сегодня могла стоить мне всего. Если меня уволят... Я даже думать об этом боялась. Аренда квартиры, кредитка, пустая почти под ноль, садик. Я одна. Помощи ждать неоткуда. Родители в другом городе, живут на пенсию, я сама им помогаю, когда могу. Отец Миши...

Я трянула головой, отгоняя непрошенные воспоминания. У Миши нет отца. Есть только прочерк в свидетельстве о рождении и одна ночь три года назад, которую я пыталась забыть, но не могла. Потому что каждый день видела эти серые глаза и упрямый подбородок в лице своего сына.

«Не думай об этом. Думай о работе. Маркетинговый от-

чет. Презентация. Ты все сделала. Ты молодец. Просто проскользни незаметно».

08:55. Я вылетела из метро и помчалась к стеклянной высотке бизнес-центра «Москва-Сити» (да, филиал в Питере тоже любил пафос). Каблуки цокали по плитке, отбивая ритм моего бешеного пульса.

Вестибюль встретил меня прохладой кондиционеров и запахом дорогого кофе. Охрана на входе лениво проверила пропуск. – Опаздываем, Смирнова? – подмигнул мне Вадик, начальник смены. – Лифт! – выдохнула я, игнорируя его флирт. – Вадик, задержи турникет, пожалуйста!

Я проскочила через «вертушку» и увидела, как двери единственного свободного лифта начинают плавно закрываться. Следующего ждать минут пять, а это приговор. Сопещение начинается ровно в 09:00.

– Придержите, пожалуйста! – крикнула я, забыв о приличиях, и рванула вперед, размахивая сумкой.

Двери остановились. Чья-то рука в безупречно белом манжете, выглядывающем из-под рукава дорогого пиджака, небрежно нажала кнопку удержания.

Я влетела в кабину, как взмыленная лошадь, едва не врезавшись в спасителя. Волосы растрепались, на щеках, наверное, пятна румянца, на брюках – след от лужи. Красотка.

– С-спасибо, – выдохнула я, сгибаясь пополам и опираясь руками о колени, чтобы восстановить дыхание. – Вы меня... спасли.

– Надеюсь, ваша пунктуальность лучше, чем ваша физическая форма, – раздался сверху голос.

Низкий. Бархатный. С нотками металла и едва уловимой хрипотцой. Голос, от которого по моему позвоночнику пробежал разряд тока в двести двадцать вольт. Я знала этот голос. Я слышала его в своих кошмарах и в своих самых стыдных снах последние три года.

Я медленно, очень медленно выпрямилась, боясь поднять глаза.

В лифте пахло не просто офисом. Пахло сандалом, дорогим табаком и грозой. Запахом власти. И еще чем-то неуловимо знакомым, от чего у меня внизу живота скрутился тугой горячий узел.

Я подняла взгляд.

Передо мной стоял мужчина. Высокий – мне приходилось задирать голову. Широкие плечи, обтянутые черной тканью костюма, который стоил, наверное, как моя почка. Белая рубашка расстегнута на одну пуговицу, открывая смуглую шею.

Но главное – лицо.

Резкие скулы, словно высеченные из камня. Жесткая линия рта. Тяжелый подбородок с легкой, дизайнерской щетиной. И глаза. Серые, как сталь, холодные, внимательные. Глаза хищника, который увидел перед собой забавного, но бесполезного зверька.

Это был он. Человек, чье имя я не знала той ночью. Че-

ловек, от которого я сбежала утром, оставив записку на подушке. Отец моего сына.

И, судя по тому, как он на меня смотрел – с легкой смесью презрения и скуки, – он меня совершенно не узнал.

– Вам какой этаж? – спросил он, не убирая палец с кнопки панели, хотя мы уже ехали. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах (у меня пересохло в горле), потом опустился ниже, на мое пятно на брюках. Бровь иронично выгнулась.

– Пятидесятый, – прошептала я. Голос предательски дрогнул.

Его палец замер. Он медленно повернул голову ко мне. Теперь в его глазах появился интерес. Холодный, вивисекторский интерес.

– Пятидесятый? – переспросил он. – Конференц-зал?

– Да... Я там работаю. То есть... я иду на совещание. К новому владельцу.

Уголок его рта дернулся в усмешке. Не доброй. Хищной. – Надо же. Какое совпадение. Я тоже туда.

Лифт мягко гудел, унося нас вверх, в стратосферу, но мне казалось, что мы падаем в бездну. Воздух в кабине стал густым, тяжелым. Его присутствие давило физически. Он был слишком большим, слишком опасным для этого замкнутого пространства.

Я вжалась спиной в зеркальную стенку, стараясь стать невидимой. Только бы доехать. Только бы выскочить и зате-

ряться в толпе.

– Вы опаздываете, – заметил он, глядя на часы на своем запястье. «Patek Philippe», отметила я машинально. Стоимость квартиры в центре. – Уже девять ноль две.

– Форс-мажор, – огрызнулась я, чувствуя, как страх сменяется защитной агрессией. – У обычных людей бывают проблемы с транспортом. Не у всех есть личные вертолеты.

Господи, Лена, заткнись! Что ты несешь?!

Он медленно повернулся ко мне всем корпусом. Теперь он нависал надо мной, закрывая собой свет ламп. Я почувствовала жар, исходящий от его тела.

– Дерзость, – произнес он тихо, наклоняясь чуть ближе. Я уловила запах его парфюма острее, и у меня закружилась голова. – Это качество либо помогает взлететь, либо заставляет падать очень больно. Как думаете, какой вариант ваш?

Двери лифта звякнули и начали открываться. Спасение. Я хотела рвануть вперед, но он не отошел. Он стоял скалой, преграждая путь.

– Прошу прощения, – выдавила я, пытаюсь обойти его, не касаясь.

Но в этот момент лифт дернулся, останавливаясь на этаже, и я, потеряв равновесие на своих шпильках, качнулась вперед. Прямо на него.

Мои ладони уперлись в его грудь. Твердую, как броня, под тонкой тканью рубашки. Я почувствовала, как под пальцами бьется его сердце. Ровно. Спокойно. Мощно. Его руки ре-

флекторно перехватили меня за талию, удерживая от падения. Большие, горячие ладони. Они обожгли меня даже через ткань блузки.

На секунду – всего на одну безумную секунду – время остановилось. Я подняла глаза и утонула в расплавленном серебре его взгляда. Он смотрел на меня уже не со скукой. В глубине его зрачков вспыхнуло что-то темное. Узнавание? Желание?

– Осторожнее, – прорычал он мне прямо в губы. – Вы имеете привычку падать мужчинам в руки, или сегодня особый случай?

Я отпрянула от него, как от огня, чувствуя, что щеки горят адским пламенем. – Я... Извините.

Я выскочила из лифта в коридор, едва не подвернув ногу снова. Сердце колотилось где-то в горле. Нужно отдышаться. Нужно найти свое место. Я вбежала в приемную, распахнула тяжелые дубовые двери конференц-зала.

Там уже сидели все. Генеральный, начальники отделов, мой непосредственный босс. Все замолчали и повернулись ко мне. Тишина была звенящей.

– Смирнова! – рявкнул мой начальник, Петр Ильич, красный как рак. – Вы совсем страх потеряли? Мы ждем нового владельца с минуты на минуту, а вы...

– Извините, Петр Ильич, пробки, я... – начала я оправдываться, пробираясь к своему стулу в самом углу, подальше от глаз.

Но договорить я не успела. Двери зала за моей спиной снова открылись. В полной тишине раздались уверенные, тяжелые шаги.

– Не стоит ругать сотрудницу, Петр Ильич, – раздался тот самый голос. Бархат и сталь. – Мы с ней... уже познакомились в лифте.

Я замерла, не дойдя до стула. Медленно обернулась. В дверях стоял он. Мой «спаситель». Мой кошмар. Отец моего сына.

Он прошел к главе стола, по-хозяйски положил телефон на полированную поверхность и обвел присутствующих взглядом, от которого даже у матерых директоров вспотели лбы.

В конце его взгляд остановился на мне. Он усмехнулся – коротко, жестко.

– Доброе утро, дамы и господа. Меня зовут Дамиан Александрович Барский. И с сегодняшнего дня правила в этой компании меняются.

Тишина в зале стала плотной, как вата. Казалось, если кто-то сейчас вздохнет слишком громко, воздух пойдет трещинами.

Дамиан Барский не сел во главе стола, как это делали все предыдущие боссы, любившие возвышаться над подчиненными в кожаных креслах-тронах. Нет. Он остался стоять, опираясь бедром о край полированного дуба, скрестив руки на груди. Эта поза – обманчиво расслабленная, ленивая – пу-

гала больше, чем если бы он начал орать и стучать кулаком.

Так стоит тигр перед прыжком. Ему не нужно рычать, чтобы все знали, кто здесь хищник.

Я вжалась в спинку жесткого офисного стула, стараясь слиться с серой обивкой. Папка с отчетами, которую я прижимала к груди, казалась щитом из картона против броневой снаряд. Пятно на брюках жгло кожу, словно кислота. Господи, ну почему именно сегодня? Почему я выгляжу как замарашка перед мужчиной, который одет так, будто сошел с обложки Forbes?

– Итак, – его голос был тихим, но разносился по огромному залу без микрофона. – Я изучил финансовые показатели вашего филиала за последний квартал.

Он сделал паузу. Его взгляд медленно скользил по лицам присутствующих директоров. Те, на кого он смотрел, бледнели или начинали судорожно поправлять галстуки.

– Впечатляет, – произнес он.

По залу пронесся коллективный вздох облегчения. Мой начальник, Петр Ильич, даже позволил себе слабую, заискивающую улыбку.

– Впечатляет, как эффективно вы сжигаете деньги, – закончил Барский, и улыбка Петра Ильича сползла с лица, как протухшее масло. – Маржинальность упала на двенадцать процентов. Расходы на административный аппарат выросли на восемь. Вы раздули штат, наплодили бесполезных заместителей, а ключевые проекты буксуют месяцами.

Он оттолкнулся от стола и начал медленно ходить вдоль рядов. Стук его ботинок по паркету звучал как метроном, отсчитывающий секунды до расстрела.

– Кто отвечает за логистику? – бросил он, не глядя ни на кого конкретно.

С места тяжело поднялся грузный мужчина с красным лицом – Виталий Семенович. – Я, Дамиан Александрович. У нас были объективные трудности с таможенной, плюс подрядчики...

– Меня не интересуют причины, – перебил его Барский. Он даже не остановился. – Меня интересует результат. А результат таков: вы сорвали поставки по трем ключевым контрактам. Вы уволены.

В зале повисла мертвая тишина. Виталий Семенович открыл рот, закрыл его, побагровел еще сильнее. – Но... у меня контракт... парашют... – Юристы уже подготовили документы. Вы нарушили пункт о КРІ. Никакого парашюта. Свободны. Охрана проводит вас.

Двери открылись, и два крепких парня в черном вежливо, но настойчиво вывели ошеломленного экс-директора из зала.

У меня перехватило дыхание. Холодный липкий пот пополз по спине. Он уволил топ-менеджера за тридцать секунд. Просто выкинул, как сломанную игрушку. Что он сделает со мной – опаздывающей помощницей с пятном на штанах?

Барский продолжил свой обход. Он шел вдоль стола, ка-

саясь пальцами спинок кресел. Длинные, красивые пальцы. Ухоженные, но сильные. В памяти непрошеной вспышкой возникла картинка трехлетней давности. Эти пальцы, сжимающие простыню. Эти руки, удерживающие мои запястья над головой. Горячее дыхание на шее...

Меня бросило в жар. Лена, очнись! Он сейчас уволит тебя, а тебе нужно кормить его сына!

– Маркетинг, – произнес он, останавливаясь прямо напротив моего сектора.

Петр Ильич вскочил, опрокинув ручку. – Дамиан Александрович! Мы подготовили презентацию новой стратегии! Мы планируем охватить сегмент...

Барский поднял руку, останавливая поток слов. – Презентацию? – он усмехнулся. – Я видел ваши презентации. Красивые графики, ноль смысла. Мне не нужны картинки. Мне нужны цифры. Конверсия последнего кампейна?

Петр Ильич замялся. Он начал судорожно перебирать бумаги перед собой. – Эм... ну... мы еще сводим данные... там сложная атрибуция...

– Смирнова, – вдруг произнес мой босс, поворачиваясь ко мне с надеждой утопающего. – Смирнова сводила отчет! Лена, где цифры?

Я замерла. Все головы снова повернулись ко мне. Но я чувствовала только один взгляд. Тяжелый. Серый. Пронизывающий насквозь.

Дамиан Барский смотрел на меня сверху вниз. В его глазах

не было узнавания той ночи. Но было узнавание той "дерзкой девчонки из лифта". И еще что-то... Хищный интерес?

Я медленно поднялась. Ноги дрожали так, что колени бились друг о друга под столом. – Конверсия по последней кампании составила 3.2%, – произнесла я. Голос звучал на удивление твердо, хотя внутри я умирала. – Стоимость лида снизилась на пятнадцать процентов благодаря оптимизации таргета, но отдел продаж не успевает обрабатывать входящие заявки, поэтому общий ROI просел.

Барский склонил голову набок. Он молчал секунду, две, три... Это были самые долгие секунды в моей жизни. Я слышала, как гудит проектор под потолком. Как бьется мое сердце.

– Проблема в продажах? – переспросил он тихо. – Да, – выдохнула я, глядя ему прямо в переносицу (смотреть в глаза было физически больно). – Время реакции на заявку превышает четыре часа. Клиенты "остывают". Мы приводим трафик, но он сливается в трубу.

Он медленно перевел взгляд на начальника отдела продаж, который вжался в кресло и, казалось, молился всем известным богам. – Интересно, – протянул Дамиан. – Выходит, младший помощник знает ситуацию в компании лучше, чем директора?

Он сделал шаг ко мне. Я почувствовала запах его парфюма – сандал и гроза. Он подошел так близко, что я могла разглядеть крошечный шрамик над его левой бровью. Откуда

он? Драка? Авария?

Он протянул руку. Я дернулась, но он лишь взял со стола мою папку с отчетом. Его пальцы на долю секунды коснулись моих. Разряд тока был таким сильным, что я едва не вскрикнула. Он заметил мою реакцию. Его зрачки расширились, поглощая серую радужку.

Он открыл папку, пробежался глазами по строкам. – Грамотно, – резюмировал он, захлопывая пластиковую обложку. – Четко. Без воды. В отличие от вашего выступления в лифте.

По залу прошелестел смешок. Кто-то хихикнул, радуясь, что гроза прошла мимо.

– Спасибо, – прошептала я.

– Не спешите благодарить, – его голос стал ледяным. Он бросил папку на стол перед Петром Ильичом. – Ваш отдел остается. Пока. Но у меня есть вопросы к дисциплине.

Он развернулся и пошел к выходу, бросив на ходу: – Советование окончено. Все свободны. Смирнова, – он остановился у дверей, не оборачиваясь. – Оставайтесь.

Зал выдохнул. Люди начали вскакивать, собирать вещи, перешептываться. А я рухнула обратно на стул, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Петр Ильич посмотрел на меня со смесью сочувствия и облегчения (его-то не уволили). – Ну, Леночка... держись. Если что – скажи, что это я тебя задержал утром.

– Спасибо, Петр Ильич, – механически ответила я.

Комната пустела. Один за другим коллеги выходили, бросая на меня косые взгляды. Кто-то смотрел как на жертву, которую ведут на заклание. Кто-то – с злорадством.

Через две минуты я осталась в огромном зале одна. Дверь закрылась за последним менеджером с мягким щелчком.

Я осталась наедине с ним. Дамиан стоял у окна, спиной ко мне, глядя на город, раскинувшийся внизу в пелене дождя. Его широкий силуэт перекрывал свет. Он молчал. И это молчание было страшнее любых криков.

Он знал? Он догадался? Или он просто хочет отчитать меня за опоздание и уволить лично, чтобы получить удовольствие?

– Подойди, – произнес он, не поворачиваясь.

Я встала. Ноги были ватными. Каждый шаг давался с трудом, словно я шла сквозь болото. Я подошла к столу, остановившись в паре метров от него.

– Ближе.

Я сделала еще шаг. Теперь нас разделял только край стола. Он резко развернулся. Его лицо было непроницаемым, как маска.

– Ты опоздала на двенадцать минут, – произнес он. – Нахамила мне в лифте. Испачкала брюки, – его взгляд скользнул по пятну, заставив меня инстинктивно прикрыться папкой. – И при этом ты единственная в этом стаде баранов, кто понимает, что происходит с продажами.

Он обошел стол, приближаясь ко мне. Хищник, загоня-

ющий добычу в угол. Я попятилась, но уперлась бедром в спинку стула. Бежать некуда.

– Кто ты, Елена Смирнова? – тихо спросил он, нависая надо мной. – И почему у меня такое чувство, что я тебя уже видел? Не в офисе.

У меня сердце пропустило удар. «Он не помнит. Слава богу, он не помнит». Той ночью я была другой. С длинными распущенными волосами (сейчас строгий пучок). В вечернем платье (сейчас дешевая блузка). Смелая, пьяная от шампанского и одиночества. Сейчас перед ним стояла уставшая мать-одиночка с мешками под глазами.

– У вас... дежавю, Дамиан Александрович, – мой голос дрожал, но я заставила себя посмотреть ему в глаза. – Мы никогда не встречались. Я бы запомнила.

Он прищурился. Сделал еще шаг. Теперь между нами было не больше десяти сантиметров. Я чувствовала тепло его тела, видела, как бьется жилка на его шее.

– Ты бы запомнила? – переспросил он вкрадчиво. – Звучит как вызов.

Он поднял руку. Я замерла, перестав дышать. Его пальцы потянулись к моему лицу... чтобы заправить выбившуюся прядь волос за ухо. Это прикосновение было легким, почти невесомым. Но кожа в месте контакта вспыхнула огнем.

– У меня отличная память на лица, Смирнова, – прошептал он. – И на запахи. Ты пахнешь... ванилью. И детским шампунем.

Черт. Миша. Я обнимала его утром.

– У меня... племянник, – соврала я, не моргнув глазом. Ложь сорвалась с языка сама собой. – Я живу с сестрой.

– Племянник, – повторил он, словно пробуя слово на вкус. Его палец скользнул вниз по моей щеке, очертил линию челюсти. Это было нарушением всех корпоративных норм. Это было харассментом. Это было... безумно приятно.

Я должна была оттолкнуть его. Сказать "нет". Напомнить про субординацию. Но вместо этого я стояла, парализованная его близостью, и мое тело предавало меня, отзываясь на его ауру дрожью в коленях и жаром внизу живота.

– Ты уволена, Смирнова, – вдруг сказал он, резко убирая руку.

Мир рухнул. Звон в ушах заглушил шум дождя. – Что?.. Но вы же сказали про отчет...

– За опоздание, – отрезал он, мгновенно превращаясь из соблазнителя обратно в холодного тирана. – Я не терплю недисциплинированность. Зайди в отдел кадров, заberi документы.

Он развернулся и пошел к своему креслу, словно я была пустым местом.

Слезы обожгли глаза. Не от обиды. От страха. Садик. Аренда. Еда. Лекарства для Миши, у которого слабый иммунитет. Я не могла потерять эту работу. Не сейчас.

– Нет, – сказала я.

Дамиан замер, не дойдя до стола. Обернулся. – Что ты ска-

зала?

– Нет, – повторила я громче, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. – Вы не можете меня уволить. Не за двенадцать минут. Я лучший аналитик в этом отделе. Вы сами это видели.

Он медленно, очень медленно улыбнулся. Это была улыбка акулы, увидевшей кровь. – Ты торгуешься? Со мной?

– Я борюсь за свое выживание, – ответила я. – Дайте мне шанс. Один месяц. Если я не подниму конверсию на десять процентов – я уйду сама. Без выходного пособия.

Он смотрел на меня долгую минуту. В его глазах плясали бесенята. Ему нравилось это. Ему нравилось, что мышка показала зубы.

– Месяц – это много, – наконец произнес он. – Неделя. И... особое условие.

– Какое? – спросила я, чувствуя, как захлопывается ловушка.

– Ты станешь моим личным ассистентом. Моя предыдущая помощница уволилась вчера. Мне нужен кто-то, кто умеет... сводить цифры. И варить кофе. И быть на связи 24/7.

Личный ассистент? Быть рядом с ним каждый день? Видеть его, слышать его голос, вдыхать его запах? Скрывать от него, что у меня есть сын с его глазами? Это безумие. Это самоубийство.

– Я согласна, – выдохнула я.

– Отлично, – кивнул он, садясь в кресло. – Твой стол в приемной. И, Смирнова... начни с кофе. Черный, без сахара. И купи себе новые брюки. Я дам тебе аванс.

Он уткнулся в бумаги, давая понять, что аудиенция окончена.

Я вышла из кабинета на ватных ногах. Сердце колотилось как безумное. Я сохранила работу. Я получила повышение (наверное). Но я продала душу дьяволу.

Я достала телефон. На заставке улыбался Миша. – Прости, сынок, – прошептала я. – Мама сегодня задержится.

В этот момент телефон пискнул. Сообщение от "Мама": *"Лена, Мишу увезли на скорой. Подозрение на аппендицит. Срочно приезжай, нужны деньги на платную палату, в общей нет мест"*.

Земля ушла из-под ног. Я сползла по стене, зажимая рот рукой, чтобы не закричать. Денег не было. Кредитка пуста. Аванс будет только завтра.

Дверь кабинета резко распахнулась. На пороге стоял Дамиан. – Смирнова, я забыл сказать, что...

Он осекся, увидев меня, сползающую по стене с побелевшим лицом. – Что случилось?

Я попыталась встать, но ноги не слушались. Они были ватными, чужими, словно кто-то перерезал невидимые нити, управляющие моим телом. Экран телефона все еще светился в моей руке, выжигая на сетчатке страшные слова: *"Нужны деньги. Срочно"*.

Дамиан оказался рядом мгновенно. Я даже не заметила, как он преодолел расстояние от двери. В одну секунду он стоял в проеме, в другую – уже присел передо мной на корточки, и дорогие брюки коснулись пыльного ковролина.

– Смирнова, – его голос звучал жестко, требовательно, но в нем исчезла та ленивая насмешка, которая была там мину- ту назад. – Дыши.

Он перехватил мою руку, в которой я до белеющих костяшек сжимала смартфон. Его пальцы были горячими и сухими. Он разжал мой кулак, не причиняя боли, но с неотвратимой силой.

– Нет... – прохрипела я, пытаясь спрятать экран. – Не смотрите...

Поздно. Его взгляд, цепкий, как у сканера, уже скользнул по сообщению. *"Лена, Мишу увезли..."*

– Кто такой Миша? – спросил он, поднимая глаза на меня.

В его зрачках отражалась моя паника. Я чувствовала запах его одеколона – можжевельник и озон, – и от этого запаха мне хотелось одновременно закричать и уткнуться носом ему в шею, ища защиты.

– Племянник, – выдохнула я ложь, ставшую моей единственной защитой. – Тот самый. Ему... ему плохо. Мне нужно ехать. Сейчас же.

Я предприняла еще одну попытку подняться, опираясь ладонью о стену. Ногти царапнули обои. В голове шумело, как в трансформаторной будке. Перед глазамиплыли чер-

ные круги. Аппендицит. У Миши аллергия на половину антибиотиков. Если врачи не знают... Если они вколют что-то не то...

– Вставай, – Дамиан не предложил руку, он просто взял меня под локоть и рывком поставил на ноги.

Меня качнуло. Я бы упала снова, если бы его рука, твердая, как стальной прут, не удерживала меня в вертикальном положении. Он прижал меня к своему боку. Его пиджак был шершавым на ощупь, а тело под ним – каменным.

– Куда его повезли? – короткий вопрос. Как выстрел.

– Первая городская... детское отделение... – зубы стучали, как от озноба. – Дамиан Александрович, отпустите меня. Мне нужно бежать. Метро... я успею...

– Ты в таком состоянии дойдешь только до первого перекрестка, где попадешь под машину, – отрезал он. – И в метро сейчас давка.

Он достал свой телефон свободной рукой, не отпуская меня. Набрал номер. – Костя, машину к главному входу. Немедленно. У тебя тридцать секунд.

– Нет! – я дернулась, пытаюсь вырваться из его захвата. Паника накрыла меня новой волной. – Не надо! Я сама! Вы не понимаете, мне нужно... мне нужны деньги!

Слова вылетели прежде, чем я успела прикусить язык. Унижение обожгло щеки похлеще пощечины. Я только что выторговала должность, а теперь, спустя пять минут, прошу подачки. Я выглядела жалкой. Ничтожной.

Дамиан замер. Он медленно повернул голову и посмотрел на меня сверху вниз. В этом взгляде не было жалости. Жалость унижает. В нем был холодный расчет.

– Сколько?

– Платная палата... лекарства... я не знаю... тысяч пятьдесят... – я назвала сумму наугад, просто чтобы покрыть первые расходы. – Я отработаю! Вычтете из зарплаты! Пожалуйста!

Он не ответил. Просто молча потащил меня к выходу из кабинета. Мы шли по коридору, и я едва поспевала за его широким шагом. Секретарша в приемной, увидев нас – растрепанную, заплаканную меня и мрачного, как грозовая туча, Босса, который тащит меня за локоть, – выронила пилочку для ногтей.

– Лифт! – рявкнул Дамиан, не глядя на неё.

Мы вошли в кабину. Ту самую, где полчаса назад все началось. Зеркала отражали мою бледную физиономию с потекшей тушью и красными пятнами на шее. И его – собранного, злого, излучающего пугающую энергию действия.

Пока мы падали с пятидесятого этажа, он что-то быстро печатал в телефоне. Звякнул сигнал уведомления. У меня в кармане вибрировал мой мобильный.

– Проверь, – приказал он.

Я дрожащими пальцами достала телефон. Уведомление от банка. *"Поступление: 500 000 RUB. Отправитель: Дамиан Б."*

Я моргнула. Цифры не исчезли. Пятьсот тысяч. Это... это было больше, чем я зарабатывала за полгода.

– Это ошибка... – прошептала я, поднимая на него глаза. – Я просила пятьдесят...

– Я не мелочусь, Смирнова, – он убрал свой телефон во внутренний карман пиджака. – Это твой аванс за три месяца. И страховка на случай осложнений. Здоровье близких – это не то, на чем экономят.

Двери лифта открылись. В холле нас ждала тишина и любопытные взгляды охраны. Но Дамиан шел так, словно был ледоколом, раскалывающим пространство. Люди расступались перед ним рефлексивно.

У входа стоял черный, хищный "Майбах". Двигатель работал, хищно урча. Водитель, крепкий мужчина с бычьей шеей, уже открыл заднюю дверь.

– Садись, – Дамиан подтолкнул меня к машине.

– Вы... вы не поедете, – это был не вопрос, а слабая надежда. – Вы же заняты. Совещания... отчеты...

– У меня обед, – солгал он, даже не пытаясь сделать вид, что это правда. – И я хочу убедиться, что мой новый личный ассистент не умрет от инфаркта по дороге. Мне нужна эффективная единица, а не истеричка.

Он практически запихнул меня в салон. Кожа сидений пахла дороговизной и холодом. Я вжалась в угол, чувствуя себя Золушкой, которую принц не на бал везет, а на эшафот. Он сел рядом. Дверь захлопнулась, отрезая нас от шума

улицы. Внутри царила идеальная тишина, нарушаемая лишь моим прерывистым дыханием.

– Первая городская, Костя. С мигалкой, если пробки.

Машина рванула с места. Меня вдавило в спинку кресла.

Я смотрела в окно на пролетающие мимо серые здания Питера, и меня трясло. Он едет со мной. Он увидит Мишу. Он увидит документы. В свидетельстве о рождении в графе "Отец" прочерк, но фамилия... Миша записан на мою фамилию. Смирнов Михаил. Но внешность... Генетика – упрямая вещь. Миша был маленькой копией Дамиана. Тот же разрез глаз. Та же форма ушей. Даже хмурился он так же, когда ему что-то не нравилось.

Если Дамиан увидит его... Если он сложит два плюс два... Он не просто уволит меня. Он отберет его. У таких людей, как Барский, есть ресурсы, чтобы перемолоть любую мать-одиночку в пыль. Суды, опека, экспертизы.

– Спасибо, – тихо сказала я, не поворачивая головы. – За деньги. Я все верну.

– Отработаешь, – равнодушно бросил он, уткнувшись в планшет. – Каждую копейку, Смирнова. Ты теперь моя. В рабочее время, разумеется.

"Ты теперь моя". Эти слова эхом отдались в моей голове. Я посмотрела на него искоса. Профиль римского императора. Жестокий, красивый, властный. Я сама привела волка к двери, за которой прятала своего ягненка. И теперь мне оставалось только молиться, чтобы волк был слишком занят,

чтобы принюхаться.

Машина резко затормозила. – Приехали, – сообщил водитель.

Я увидела вывеску "Приемный покой". Сердце сделало кульбит. Дамиан вышел первым. Обошел машину, открыл мне дверь и протянул руку.

– Идем, – сказал он. – Покажешь мне этого твоего... Мишу.

У меня внутри все оборвалось. Это конец.

Глава 2. Цена ошибки

Запах больницы ударил в нос, стоило автоматическим дверям разъехаться в стороны. Эта тошнотворная, ни с чем не сравнимая смесь хлорки, дешевого столовского супа, старой пыли и человеческого страха. Запах беды.

Меня повело. Ноги, которые еще минуту назад казались ватными, теперь налились свинцом. Я споткнулась о резиновый коврик, и если бы не рука Дамиана, железным кольцом сжимающая мой локоть, я бы распласталась прямо на грязном кафеле приемного покоя.

– Соберись, Смирнова, – его голос прозвучал над ухом не как просьба, а как приказ офицера солдату в окопе. – Ты нужна племяннику дееспособной.

Он не отпустил меня. Наоборот, притянул ближе к своему боку, создавая иллюзию защиты. Или контроля? С ним никогда нельзя было понять наверняка.

Мы вошли внутрь, и гул приемного отделения на секунду стих.

Картина была привычной для любого бюджетного учреждения: очередь из уставших, озлобленных людей на пластиковых стульях, крик какого-то ребенка, замученная медсестра за стойкой регистрации, которая печатала одним пальцем, словно мстила клавиатуре за свою маленькую зарплату.

И посреди этого унылого серо-зеленого хаоса – Дамиан

Барский. В своем идеально скроенном черном пальто, растянутом, чтобы был виден костюм, стоивший больше, чем все оборудование в этом холле вместе взятое. Он выглядел здесь инородным телом. Хищником из другой экосистемы, случайно забредшим в загон для овец.

– Дамиан Александрович, – я попыталась высвободить руку, но его пальцы лишь сжались крепче. – Пожалуйста, вам не нужно... Вы же заняты. Я сама. Правда. Спасибо, что подвезли, но дальше я...

– Где регистратура? – перебил он, игнорируя мой лепет. Его взгляд сканировал помещение, не задерживаясь на людях, словно они были мебелью.

– Вон там, но там очередь, и... – начала я, надеясь, что вид очереди из пятнадцати человек отпугнет миллиардера.

Наивная. Дамиан не стоял в очередях. Очереди рассасывались перед ним сами, повинувшись законам физики денег.

Он потянул меня к стойке, бесцеремонно огибая бабушку с палочкой и мужчину с перевязанной рукой. – Мужчина, вы куда?! – взвизгнула женщина в пуховике. – Тут люди стоят!

Дамиан даже не повернул головы. Он подошел к стеклянной перегородке и постучал костяшками пальцев по мутному стеклу. Звук вышел сухим, властным. Медсестра подняла на него глаза, полные профессионального раздражения, открыла рот, чтобы гаркнуть "Ждите!", но осеклась.

Что-то в его лице заставило слова застрять у неё в горле. Может быть, ледяной холод серых глаз. Может быть, та самая

аура власти, которую невозможно подделать.

– Смирнов Михаил, – произнес он четко. – Поступил по скорой полчаса назад. Три года. Подозрение на аппендицит. Где он?

Я замерла, чувствуя, как сердце колотится о ребра, пытаюсь сломать грудную клетку. Он назвал фамилию. Мою фамилию. Да, это логично. Я сказала "племянник". Значит, сын сестры или брата. Фамилия может совпадать. Но он назвал его возраст. Три года. Дамиан умел считать. Три года назад была *та самая* ночь.

"Успокойся, – приказала я себе, кусая губу до крови. – У половины страны фамилия Смирновы. А детям свойственно рождаться. Это совпадение. Просто совпадение. Он не догадается".

– Вы кем приходитеесь ребенку? – спросила медсестра, наконец справившись с оцепенением и натягивая маску вахтера. – Информацию даем только законным представителям.

– Я спонсор, – отрезал Дамиан. – А это, – он кивнул на меня, бледную как смерть, – его тетя. И единственный представитель, который сейчас в состоянии говорить. Где ребенок?

– Он в смотровом боксе номер четыре. Врач сейчас подойдет. Ждите в коридоре.

– Нет, – Дамиан достал из кармана бумажник. Не толстый, но из кожи аллигатора. Вытащил визитку – черную, матовую, с золотым тиснением. Положил на стойку. – Мы не будем ждать в коридоре. Мне нужна платная палата. Одноместная.

Лучшая, что у вас есть. И заведующий отделением. Сейчас.

Медсестра взяла визитку двумя пальцами, словно это была радиоактивная пластина. Прочитала. Её глаза округлились. – Барский? Тот самый... "Астра Холдинг"?

– У вас одна минута, – он посмотрел на свои часы. – Время пошло.

Она схватила телефонную трубку, забыв про очередь, про правила, про всё на свете. – Алло? Сергей Викторович? Тут... тут к Смирнову пришли. Да. Нет, не родители. Спонсоры. Очень... очень серьезные. Да, я поняла.

Я стояла рядом, чувствуя себя марионеткой. Моя воля была парализована страхом. Я должна была остановить это. Я должна была крикнуть: "Не смейте! Это мой сын! Уходите!". Но я молчала. Потому что у меня в кармане вибрировал телефон с пятьюстами тысячами рублей, которые спасут жизнь моему ребенку. И потому что часть меня – та слабая, испуганная женская часть – была безумно благодарна, что кто-то большой и сильный взял этот кошмар на себя.

– Идем, – Дамиан снова взял меня под локоть, уводя от стойки.

– Куда? – пискнула я.

– В четвертый бокс. Ты же слышала.

Паника накрыла меня цунами. Четвертый бокс. Там Миша. Миша, у которого такие же глаза. Миша, который в три года уже умеет хмурить брови точь-в-точь как мужчина, который сейчас тащит меня к нему.

– Нет! – я уперлась ногами в пол, тормозя подошвами туфель. – Дамиан Александрович, вам нельзя туда! Там... там инфекция! Карантин! И вообще, это детский бокс, вы... вы в пальто!

Он остановился, глядя на меня с недоумением, смешанным с раздражением. – Смирнова, ты бредишь? Какой карантин при аппендиците?

– Я... я сама, – затараторила я, чувствуя, как по спине течет холодный пот. – Вы сделали достаточно. Более чем. Вы оплатили палату, вы договорились с врачом. Спасибо вам! Огромное спасибо! Но дальше... это семейное дело. Понимаете? Семейное. Ребенок испугается чужого дяди.

Я говорила слишком быстро, слишком громко. Мой голос срывался на визг. Дамиан прищурился. Он сканировал мое лицо, и я видела, как в его мозгу крутятся шестеренки. Он чувствовал ложь. Он чуял страх, который был глубже, чем просто тревога за здоровье.

– Ты чего-то боишься, – произнес он медленно, понизив голос. – Чего именно, Лена?

Он впервые назвал меня по имени. Не "Смирнова". Лена. От этого звука у меня подогнулись колени.

– Я боюсь за него, – прошептала я правду, которая была лишь верхушкой айсберга. – Ему больно. Ему страшно. Он маленький. Он хочет к ма... к тете.

Дамиан молчал долгую секунду. В его глазах что-то мелькнуло. Тень сочувствия? Или воспоминание?

– Хорошо, – кивнул он наконец. – Иди. Я подожду здесь врача и оформлю документы на палату. Но если через десять минут мне не доложат, что его перевели в VIP – я разнесу эту богадельню по кирпичику.

Я едва не расрыдалась от облегчения. – Спасибо. Я... я быстро.

Я развернулась и побежала по коридору, стуча каблучками. Мимо каталок, мимо медсестер. Четвертый бокс. Дверь приоткрыта.

Я влетела внутрь, как ураган. Маленькая комната, кафель, кушетка. На кушетке, свернувшись калачиком под казенным одеялом, лежал мой сын. Рядом сидела мама – моя мама, которая, видимо, успела приехать на такси раньше.

– Леночка! – мама вскочила, прижимая руки к груди. Она плакала. – Господи, ты приехала! Врачи говорят, нужно резать, но у них нет анестезиолога хорошего, говорят, ждать надо, а у него температура...

Я не слушала. Я бросилась к кушетке. – Миша... сынок...

Он открыл глаза. Серые. Любимые. Затуманенные болью. – Мама... – прошептал он сухими губами. – Животик болит.

– Сейчас, мой хороший, сейчас все пройдет, – я гладила его по горячему лбу, по слипшимся волосикам. – Мама здесь. Мама все решит.

Я оглянулась на дверь. Дамиан был там, в коридоре. В десяти метрах. Если он войдет...

– Мама, – я схватила свою мать за руку. – Слушай меня внимательно. Там в коридоре мужчина. Высокий, в черном. Это мой босс. Он оплатил лечение.

– Святой человек! – всплеснула руками мама. – Надо пойти поблагодарить...

– НЕТ! – я сжала её руку так, что она охнула. – Мама, ни слова. Ты не выходишь отсюда. Ты сидишь с Мишей. Если этот мужчина спросит – ты не бабушка. Ты... няня. Поняла? Няня! И Миша... он не мой сын. Он племянник. Сын моей сестры.

Мама смотрела на меня как на сумасшедшую. – Лена, какой сестры? У тебя нет сестры! Ты что несешь? У тебя горячка?

– Мама, просто делай, как я говорю! – зашипела я. – От этого зависит моя работа! И жизнь Миши! Этот человек... он опасен. Он не должен знать, что Миша мой сын. Пожалуйста!

Дверь бокса скрипнула. Я замерла, чувствуя, как сердце падает в пятки. Обернулась.

В проеме стоял не Дамиан. Врач. Молодой, замученный, в очках. – Смирновы? Кто тут буянит в коридоре и требует заведующего?

Я выдохнула. Но воздух застрял в легких. Потому что за спиной врача, маяча черной тенью, стоял он. Дамиан не остался в холле. Он подошел к боксу.

Он не входил. Пока. Он стоял у косяка, скрестив руки на

груди, и смотрел. Смотрел прямо на Мишу.

Я инстинктивно шагнула в сторону, закрывая собой ре-бенка. Моя спина стала щитом. Но я знала, что это беспо-лезно. Если Миша сейчас заговорит... Если он крикнет "Ма-ма"...

– Доктор, – раздался голос Дамиана из-за спины врача. Спокойный, как удав. – Мы переводим пациента в платное отделение. Прямо сейчас. Я оплачиваю лучшую бригаду. Вы оперируете?

Врач обернулся, поправил очки. – Я. Но у нас протокол...

– К черту протокол, – Дамиан вошел в бокс.

Он сделал два шага. Комната сразу стала крошечной. Я стояла между ним и кушеткой, раскинув руки, как птица, защищающая гнездо.

– Смирнова, отойди, – сказал он мягко, но в этой мягкости была сталь. – Я хочу поговорить с врачом и посмотреть на пациента. Я плачу за него, я имею право знать, за что плачу.

– Не надо, – прошептала я. – Пожалуйста, Дамиан... не подходи.

Он остановился в полуметре от меня. Его взгляд скользнул по моему лицу, потом переместился на мою маму, кото-рая застыла статуей в углу. Потом он попытался заглянуть мне за спину.

В этот момент Миша завозился на кушетке и тихо засто-нал. – Мама... пить...

Слово повисло в тишине, тяжелое, как камень. Мама. Не

"тетя". Не "Лена". Мама.

Я увидела, как расширились глаза Дамиана. Он перевел взгляд на меня. – Мама? – переспросил он.

Слово «Мама» повисло в стерильном воздухе бокса, тяжелое и плотное, как кусок свинца. Казалось, оно эхом отскакивает от кафельных стен, умножаясь, заполняя собой все пространство, не оставляя мне места для вдоха.

Дамиан не сводил с меня глаз. В его взгляде, остром, как скальпель хирурга, плескалось темное, нечитаемое выражение. Он ждал. Он не просто слышал. Он слушал *меня*. Мою реакцию. Мой пульс, который, казалось, бился уже не в венах, а прямо в горле, перекрывая кислород.

Я чувствовала, как по спине, прямо между лопаток, ползет ледяная капля пота. Вкус во рту стал металлическим, горьким. Это был вкус страха. Животного, первобытного страха самки, загнанной в угол.

– У него жар, – мой голос прозвучал чужим, хриплым карканьем. Я заставила себя не отводить взгляд, хотя каждый инстинкт вопил: «Беги! Прячься!». – Тридцать девять и пять. Он бредит, Дамиан Александрович. Он... он всех сейчас так называет. Меня. Няню. Даже врача скорой.

Это была жалкая ложь. Тонкая, как папиросная бумага. Миша никогда никого не называл мамой, кроме меня. Но Дамиан не знал Мишу. Он знал только цифры, отчеты и биржевые сводки.

Барский медленно перевел взгляд с моего побелевшего

лица на ребенка, который метался на кушетке, сжимая в кулачке край простыни. – Бредит? – переспросил он ровным тоном, в котором, однако, звенело недоверие. – Он смотрит прямо на тебя, Лена.

– Потому что я его воспитываю! – выпалила я, чувствуя, как защитная агрессия закипает в крови. – Потому что его настоящая мать... моя сестра... она сейчас далеко. Я для него – единственный близкий человек. Когда детям больно, они зовут маму. Любую маму. Вы что, никогда не болели в детстве?

Я была по больному, была наугад, надеясь, что его собственное детство было достаточно травматичным, чтобы этот аргумент сработал. И, кажется, попала. Тень пробежала по его лицу. Что-то дрогнуло в уголке жесткого рта.

В этот момент моя мама – святая женщина, которая до этого стояла, вжавшись в угол и изображая предмет интерьера, – вдруг подала голос.

– Елена Дмитриевна правду говорит, – произнесла она дрожащим, но твердым голосом, поправляя сбившуюся шаль. – Мальчик совсем плох. Горит весь. Вы бы, господин хороший, врача поторопили, а не допросы устраивали. Не время сейчас.

Я мысленно послала небесам благодарность. Мама включила режим «строгой няни». Это было рискованно, но это переключило фокус внимания Дамиана.

Он повернул голову к ней. Осмотрел ее с ног до головы

своим сканирующим взглядом: старенькое пальто, стоптанные сапоги, тревога в выцветших глазах. – Вы кто? – коротко спросил он.

– Няня, – ответила я за неё, делая шаг вперед и снова перекрывая ему обзор на Мишу. – Ольга Петровна. Она сидит с ним, пока я... работаю на вас.

Дамиан хмыкнул. – Няня, значит.

Он явно хотел сказать что-то еще, может быть, спросить, почему у «няни» и «тети» одинаковый разрез глаз, но в этот момент в бокс ворвался заведующий отделением. Тучный мужчина с одышкой и красным лицом, за которым семенила наша медсестра из регистратуры.

– Дамиан Александрович! – задыхаясь, просипел заведующий, протягивая руку, которую Барский проигнорировал. – Простите, ради бога! Не знали, не признали! У нас тут такой поток... Сами понимаете, эпидемия гриппа, персонал на износ...

– Мне плевать на ваши оправдания, – холодно отрезал Дамиан, мгновенно переключаясь в режим «Босс». – Я плачу за сервис, а не за ваши жалобы на жизнь. Палата готова?

– Да-да, конечно! Люкс на пятом этаже. Лучшее оборудование. Профессор Войцеховский уже моется в операционной, он лучший детский хирург в городе, я лично его вызвал с конференции...

– Каталку, – приказал Дамиан.

– Сейчас, санитары уже бегут...

– Не надо санитаров, – вдруг тихо простонал Миша. – Ма... Лена... больно...

Он исправился. Мой маленький, умный мальчик, даже сквозь пелену жара и боли, он почувствовал мой ужас. Он назвал меня Леной. У меня сердце разорвалось на части в этот момент. Какую цену платит мой сын за мои ошибки?

Дамиан резко обернулся к кушетке. Он услышал. "Лена". Это подтверждало мою версию. Это было алиби. Напряжение в его плечах чуть спало. Он шагнул к кушетке, оттесняя меня плечом.

– Я сам, – сказал он.

– Что? – я опешила. – Нет, вы испачкаете пальто...

Но он уже наклонился. Его большие руки осторожно, с какой-то невероятной, пугающей нежностью подхватили маленькое, горячее тельце моего сына вместе с казенным одеялом. Миша вскрикнул от движения, но тут же затих, оказавшись прижатым к широкой мужской груди.

– Тише, пацан, – пророкотал Дамиан низким грудным голосом. – Я тебя держу. Сейчас поедем в нормальное место. Там не воняет хлоркой.

Я стояла, парализованная этой картиной. Отец и сын. Дамиан держал его на руках так естественно, словно делал это всю жизнь. Черная дорогая ткань пальто и старенькое байковое одеяло в синюю клетку. Властный профиль мужчины и бледный, заостренный профиль мальчика. Они были похожи как две капли воды. Одинаковый изгиб бровей. Одинаковая

форма ушей. Даже родинка на шее у Миши была там же, где у Дамиана – чуть ниже линии волос.

Я посмотрела на врача. Тот протирал очки и не смотрел на ребенка. Я посмотрела на маму. Она прижала ладонь ко рту, глядя на них расширенными от ужаса глазами. Она тоже видела.

– Дамиан... – я дернулась к ним, движимая инстинктом разорвать этот контакт, спрятать, укрыть. – Дайте мне его. Он тяжелый.

– Четырнадцать килограмм? – усмехнулся Барский, не глядя на меня. Он смотрел на лицо мальчика, который за-тих у него на руках, уткнувшись носом в лацкан пиджака. – Смирнова, я жму от груди сто двадцать. Открывай дверь.

Он пошел к выходу. С моим сыном на руках. И Миша... Миша не плакал. Он, который боялся чужих мужчин до истерики, вдруг обмяк в руках этого «чужого дяди» и засопел. Кровь не обманешь. Генетика – это не просто набор хромосом, это магия, которую я пыталась отрицать три года.

Мы двинулись странной процессией по коридору. Впереди Дамиан с драгоценной ношей, за ним семенящий и потеющий заведующий, потом я, белая как мел, и мама, замыкающая шествие с пакетом вещей.

Люди в коридоре расступались. Медсестры провожали Дамиана восхищенными взглядами. А я видела только затылок моего сына и широкую спину мужчины, который мог уничтожить мой мир одним щелчком пальцев, если бы толь-

ко посмотрел чуть внимательнее.

– Пятый этаж, лифт для персонала! – командовал заведующий.

В лифте мы снова оказались заперты в тесном пространстве. Только теперь нас было больше, а воздуха – еще меньше. Дамиан смотрел на мальчика. В упор. Изучал. Я видела, как его взгляд скользнул по лицу Миши, задержался на ресницах (длинных и черных, как у него самого), потом спустился к подбородку с характерной ямочкой.

– Как, говоришь, зовут твою сестру? – спросил он вдруг, не поднимая головы.

Вопрос прозвучал как гром среди ясного неба.

– Что? – я поперхнулась воздухом.

– Сестру. Мать ребенка. Как ее зовут? – он наконец поднял на меня глаза. Они были холодными и ясными. Слишком ясными. – И почему она не приехала, когда ее сын попал в реанимацию? Где она, Лена? На Мальдивах? В коме? В тюрьме?

Меня загнали в угол. Снова. Я должна была придумать имя. Историю. Легенду. Прямо сейчас, пока лифт ползет на пятый этаж.

– Марина, – выпалила я первое попавшееся имя. – Ее зовут Марина. Она... она работает вахтовым методом. На Севере. Связи нет. Она не знает. Я не смогла дозвониться.

– На Севере, – медленно повторил он. – Вахтовым методом. А отец?

Я сглотнула. – Отца нет.

– Совсем нет? – он прищурился. – Или он тоже "на вахте"?

– Он умер, – отрезала я. – Еще до рождения Миши. Марина одна. Я помогаю. Это преступление?

Дамиан молчал. Лифт звякнул, останавливаясь на пятом этаже. – Нет, – наконец произнес он, выходя из кабины. – Это не преступление. Это... удобно. Слишком удобно, Смирнова.

Он не поверил. Я поняла это по интонации. По тому, как дернулась мышца на его скуле. Он не поверил ни единому слову. Но у него не было доказательств. Пока.

Мы вошли в VIP-крыло. Здесь было тихо, пахло дорогими моющими средствами и цветами. Ковры на полу глушили шаги. Нас встретил профессор Войцеховский – седовласый мужчина с умными глазами.

– Давайте пациента сюда, – он указал на каталку, которую уже подкатили санитары в чистой форме.

Дамиан бережно опустил Мишу на белые простыни. Мальчик захныкал, потеряв источник тепла. Его рука инстинктивно потянулась вверх, хватая Дамиана за палец. Маленькая ладошка сжала большой палец мужчины.

Дамиан замер. Он смотрел на эту руку, на это сцепление, и на его лице проступило странное выражение. Растерянность? Шок? Он не отдернул руку. Он позволил Мише держать себя.

– Мы забираем его на осмотр и подготовку к операции, –

мягко сказал профессор. – Вам придется подождать в холле.

Санитары покатали каталку. Дамиан сделал шаг следом, словно не хотел отпустить, но потом остановился. Мишина рука разжалась, выпуская его палец.

Двери операционного блока закрылись.

Я прислонилась к стене, чувствуя, что сейчас сползу по ней вниз. Адреналин отступал, оставляя после себя дрожь и тошноту. Мама села на кожаный диванчик и беззвучно заплакала.

Дамиан стоял посреди холла, глядя на закрытые двери. Он достал платок, вытер руки (хотя они были чистыми), потом убрал его обратно. Медленно повернулся ко мне.

– Операция займет час-полтора, – сказал он. Его голос звучал глухо. – У нас есть время.

– Время для чего? – прошептала я.

Он подошел ко мне. Близко. Нарушая все границы. – Для правды, Лена. Настоящей правды.

Он достал из кармана телефон. – Я только что отправил запрос в свою службу безопасности. Насчет твоей сестры Марины, которая работает на Севере. И насчет свидетельства о рождении Михаила Смирнова.

У меня перехватило дыхание. – Зачем?

– Потому что я не идиот, – он наклонился к моему уху. – У мальчика родинка на шее. Точно такая же, как у меня. И у моего отца. Это генетический маркер Барских. Рecessивный ген, который передается только по мужской линии.

Он отстранился и посмотрел мне в глаза с торжествующей жестокостью. – У тебя есть ровно пять минут, чтобы рассказать мне все самой. До того, как мне пришлют файл. Если совершь сейчас – я уничтожу тебя. Если скажешь правду... возможно, мы договоримся.

Пять минут. Это много или мало? Чтобы выпить чашку кофе – мало. Чтобы разрушить жизнь, которую я строила по кирпичику три года, – более чем достаточно.

Телефон в руке Дамиана коротко вибрировал, отсчитывая секунды. Экран загорался, гас, снова загорался. С каждым этим миганием моя надежда на спасение таяла, как снег на раскаленном асфальте.

Я посмотрела на маму. Она сидела на диване, закрыв лицо руками, маленькая, испуганная фигурка в старом пальто. Она не могла меня защитить. Никто не мог. Я была одна против катка, который звался Дамианом Барским.

– Две минуты, – произнес он. Его голос был пустым, лишенным эмоций. Это пугало больше, чем крик. – СБ работает быстро. Они уже нашли записи из роддома. Через минуту у меня будет скан карты роженицы.

– Не надо, – прошептала я. Горло саднило, словно я наглоталась битого стекла.

– Тогда говори. Сама.

Я закрыла глаза. Глубокий вдох. Воздух пах стерильностью и дорогим парфюмом моего палача. Бежать некуда. Врать – значит подписать себе смертный приговор. Если он

узнает все из бумаг, он уничтожит меня за ложь. Если я скажу сама... Может быть. Один шанс на миллион. Может быть, в нем есть хоть капля человечности.

– Марины не существует, – слова падали с губ тяжелыми камнями. – У меня нет сестры. Я единственный ребенок в семье.

Дамиан не шелохнулся. Только мышца на его челюсти дернулась, выдавая напряжение. – Дальше.

– Миша... – голос сорвался, и я зажмурилась, чтобы сдержать слезы. – Миша – мой сын. Мой. Я родила его три года и два месяца назад. В роддоме номер шестнадцать.

– Отец? – хлесткий удар словом.

Я открыла глаза и посмотрела прямо на него. В эти серые, невозможные глаза, которые я видела каждое утро в лице своего ребенка.

– Ты знаешь ответ, Дамиан. Ты сам его назвал. Родинка.

Тишина. Она была такой плотной, что казалось, у меня лопнут барабанные перепонки. Слышно было только гудение ламп дневного света и далекий писк какого-то прибора за дверями операционной.

Дамиан медленно опустил руку с телефоном. Он смотрел на меня так, словно видел впервые. Не как на сотрудницу. Не как на женщину, которую можно зажать в лифте. А как на врага, который нанес удар в спину.

– Три года, – произнес он тихо. В этом шепоте было столько яда, что можно было отравить океан. – Ты скрывала моего

сына три года. Где мы встретились?

– Ты не помнишь, – горькая усмешка искривила мои губы. – Конечно, ты не помнишь. Это был экономический форум. Банкет в "Астории". Я была волонтером, разносила бейджи. Ты был... уставшим. И пьяным. Ты перепутал меня с кем-то из эскорта. Или просто не стал разбираться.

Его брови сошлись на переносице. Он пытался вспомнить. Я видела, как он перебирает файлы в своей памяти. Безуспешно. Для него это была просто ночь. Эпизод. Для меня – вся жизнь.

– Я пыталась сказать тебе утром, – продолжила я, чувствуя, как прорывается плотина обиды, которую я держала годами. – Я оставила записку с номером телефона. Но ты не позвонил. Я пришла в твой офис через месяц, когда узнала о беременности. Меня даже на порог не пустили. Твоя охрана сказала: "Вас таких у Дамиана Александровича десяток в неделю, идите лесом, девушка".

Я шагнула к нему, движимая отчаянием. – Что я должна была сделать? Броситься под твою машину? Подать в суд? У меня не было денег даже на адвоката! Я выбрала растить его сама. Тихо. Мирно. Не требуя от тебя ни копейки!

– Ты украла у меня три года, – перебил он. Его голос стал громче, жестче. Он наступал на меня, заставляя вжаться лопатками в стену. – Ты лишила меня права знать. Права видеть, как он делает первый шаг. Как он говорит первое слово. Ты решила за меня, Смирнова. Кто дал тебе такое право?

– Я его мать! – крикнула я ему в лицо. – Я защищала его! От твоего мира! От таких, как та стерва в приемной, которая вышвырнула меня! От скандалов! Я хотела ему спокойной жизни!

– Спокойной жизни? – он ударил ладонью о стену рядом с моей головой. Я вздрогнула. – В съемной квартире? В долгах? Когда он мог иметь все? Лучших врачей, лучшие школы, безопасность! Сегодня он мог умереть в районной больнице, если бы я случайно не оказался рядом! Это твоя "защита"?

Его слова били наотмашь. Потому что он был прав. Отчасти. Моя гордость чуть не стоила Мише здоровья.

– Я... я справлялась... – прошептала я, но уверенности в голосе уже не было.

Дамиан навис надо мной. Его лицо было в сантиметре от моего. Я видела каждую пору на его коже, видела ярость, клокочущую в глубине его зрачков.

– Справлялась? – он усмехнулся. Зло. – Ты живешь от зарплаты до зарплаты. Ты врешь всем вокруг. Ты создала картонный домик, Лена. И сегодня я его сдул.

Он отстранился, резко, словно мое присутствие стало ему противно. Прошел по холлу, расстегивая ворот рубашки, словно ему не хватало воздуха.

– Что теперь? – спросила я в пустоту. – Вы уволите меня? Отберете его?

Дамиан остановился у окна. За стеклом сгущались сумер-

ки. Дождь усилился, превращая город в размытое серое пятно.

– Отобрать? – он повернулся. Его лицо снова стало непроницаемой маской бизнесмена. Холодной. Расчетливой. – Суды делятся годами. Грязь в прессе. Скандалы. Это повредит акциям холдинга. И психике... Миши.

Он произнес имя сына с странной интонацией. Собственной.

– Тогда что? – я сжала руки в замок, чтобы унять дрожь.

– Мы поступим иначе, – он подошел ко мне. Теперь в его движениях не было ярости, только холодная целеустремленность. – Ты хотела сохранить работу? Ты ее сохранишь. Ты хотела денег? Ты их получишь.

– В чем подвох? – я не верила ему. Бесплатный сыр только в мышеловке, а Дамиан Барский был самым опасным конструктором мышеловок.

– Подвох в том, что ты больше не принадлежишь себе, Смирнова, – он взял меня за подбородок, заставляя поднять голову. Его пальцы были жесткими. – Мой сын не будет расти "безотцовщиной". И он не будет жить в хрущевке.

Он наклонился, и его шепот обжег мне губы: – Ты переезжаешь ко мне. Сегодня же. Вместе с Мишей.

– Что?! – я попыталась вырваться, но он держал крепко. – Нет! Ни за что! Я не стану твоей... содержанкой!

– Ты не поняла, – его глаза потемнели. – Это не предложение. Это ультиматум. Либо мы играем в счастливую семью,

я признаю отцовство, и ты живешь в моем доме на правах матери моего наследника. Либо...

Он сделал паузу, давая словам впитаться.

– Либо я задействую юристов. Я докажу, что ты подвергла жизнь ребенка опасности, отказавшись от госпитализации из-за отсутствия денег. Я докажу, что твои жилищные условия не соответствуют нормам. Я уничтожу тебя в суде, Лена. Я заберу его, и ты будешь видеть сына по выходным. Под присмотром охраны.

Слезы брызнули из моих глаз. Это был удар ниже пояса. Жестокий. Подлый. Эффективный.

– Ты чудовище, – прошептала я.

– Я отец, который защищает свои интересы, – парировал он. – Выбирай. Прямо сейчас. Пентхаус, полная обеспеченность, лучший уход для Миши и ты рядом с ним 24/7. Или война, которую ты гарантированно проиграешь.

Я посмотрела на закрытые двери операционной. Там был мой мальчик. Мой смысл жизни. Если я соглашусь – я попаду в золотую клетку к хищнику. Если откажусь – я потеряю сына.

Выбор без выбора.

Я сглотнула комок в горле. Подняла глаза на Дамиана. – Я согласна.

Уголок его губ дрогнул в победной усмешке. – Умная девочка.

В этот момент двери операционной открылись. Вышел

профессор Войцеховский, стягивая маску. – Операция прошла успешно. Мальчик просыпается. Жить будет.

Дамиан выдохнул. Впервые за этот час я увидела, как напряжение покидает его плечи. Он повернулся ко мне, и на секунду, всего на долю секунды, в его взгляде не было холода. Только облегчение.

– Идем, – сказал он, протягивая мне руку. Не как пленнице. Как партнеру. – Идем к нашему сыну.

Я посмотрела на его ладонь. Широкую. Сильную. Ладонь, которая могла раздавить меня или защитить. Я вложила в неё свои дрожащие пальцы. Капкан захлопнулся.

Глава 3. Точка невозврата

Его ладонь была горячей и сухой. Жесткой. Это не было рукопожатие любовника или друга. Так скрепляют сделку по слиянию и поглощению, когда одна сторона диктует условия, а вторая – подписывает капитуляцию, чтобы не быть уничтоженной.

Я хотела отдернуть руку, но пальцы не слушались. Я смотрела на наши соединенные ладони и физически ощущала, как невидимые наручники защелкиваются на моих запястьях. Щелк. Теперь я собственность корпорации «Барский». Инвентарный номер присвоен.

– Константин отвезет твою мать домой, – произнес Дамиан, разрывая контакт первым. Его тон не терпел возражений. Он уже переключился в режим логистики, решая мою жизнь как очередную бизнес-задачу. – Ты поедешь со мной. Собирать вещи.

– Мне нужно попрощаться с мамой... объяснить ей... – голос дрожал, срываясь на шепот.

– Объяснишь потом. По телефону. Сейчас время – самый дорогой ресурс.

Он развернулся к моей маме, которая все еще сидела на кожаном диване, комкая в руках мокрый от слез платок. Она выглядела маленькой, потерянной старушкой на фоне хромированного и стекла VIP-отделения.

– Ольга Петровна, – обратился к ней Дамиан. Не «бабушка», не «няня». По имени-отчеству. Он запомнил. – За внука не волнуйтесь. У него лучшая палата и лучшие врачи. Мой водитель отвезет вас домой.

Мама подняла на него глаза, полные страха и немой благодарности. Она не знала всей правды. Не знала про шантаж, про угрозы судом. Она видела только богатого благодетеля, который спас её внука.

– Спасибо... храни вас Бог... – пролепетала она.

Мне захотелось закричать. «Мама, не благодари его! Он чудовище! Он украл нас!». Но я промолчала. Ком в горле стал размером с теннисный мяч.

– Идем, – Дамиан снова коснулся моего локтя. На этот раз легче, почти направляюще, но я чувствовала тяжесть его власти.

Мы вышли под дождь. Питерское небо окончательно прорвало, и вода лилась сплошной стеной, смывая грязь с тротуаров, но не с моей души. Охранник тут же раскрыл над Дамианом огромный черный зонт. Барский притянул меня к себе, чтобы я не промокла, и меня обдало запахом его парфюма – морозная свежесть и горький табак. Этот запах теперь станет моим воздухом.

– Адрес, – бросил он, когда мы сели в прогретый салон «Майбаха».

Я назвала улицу. Окраина. Спальный район, застроенный панельными пятиэтажками еще при Хрущеве. Район, где фо-

нари горели через один, а асфальт во дворах напоминал лунный ландшафт после бомбежки.

Дамиан вбил адрес в навигатор. Бровь его иронично изогнулась. – Живописно.

– Не всем достаются пентхаусы по праву рождения, – огрызнулась я, отворачиваясь к окну. Стекло было тонированным, отделяя меня от мира. Моего мира, который я стремительно теряла.

– Я не родился в пентхаусе, Смирнова, – спокойно ответил он, вырываясь со стоянки. Машина шла плавно, как корабль, глотая неровности дороги. – Я вырос в интернате.

Я резко повернулась к нему. – Что?

– Ты плохо изучила биографию своего босса, – он усмехнулся, не отрывая взгляда от дороги. Его профиль в свете уличных фонарей казался высеченным из мрамора. – Мой отец узнал о моем существовании, когда мне было двенадцать. До этого я дрался за кусок хлеба в столовой и носил обноски. Поэтому я знаю цену безопасности. И именно поэтому мой сын никогда не узнает, что такое нужда.

Эти слова ударили меня сильнее, чем его угрозы. Он тоже был "секретным ребенком". Ненужным. Забытым. Вот откуда эта одержимость контролем. Вот почему он так взбесился, узнав правду. Я нажала на самую болезненную кнопку в его душе.

– Прости, – вырвалось у меня. Не за то, что скрыла Мишу. А за то, что невольно заставила его пережить старую травму.

– Не извиняйся, – отрезал он жестко. – Просто собирай вещи. Быстро.

Остаток пути мы ехали молча. Только шум дождя и тихий гул мощного мотора. Когда мы свернули в мой двор, мне стало физически плохо от стыда. «Майбах» казался здесь космическим кораблем, приземлившимся на свалку.

Фары высветили облупленную стену пятиэтажки, переполненные мусорные баки, у которых копошилась облезлая кошка, и лужу размером с Байкал прямо у моего подъезда. Дамиан остановил машину. Заглушил двигатель. Тишина в салоне стала звенящей.

Он смотрел на мой дом. На решетки на окнах первого этажа. На надпись "ЦОЙ ЖИВ" и что-то матерное, нацарапанное черным маркером на железной двери подъезда.

– Здесь? – спросил он. В его голосе не было насмешки. Только холодная, убивающая констатация факта. – Мой сын жил здесь?

– Здесь живут обычные люди, Дамиан, – я схватилась за ручку двери, готовая сбежать от его осуждающего взгляда. – Это называется "реальность". В ней нет консьержей и мраморных полов. Зато здесь тепло и...

– Здесь небезопасно, – перебил он. – Домофон не работает. Дверь держится на честном слове. Контингент... соответствующий.

Он кивнул на группу подростков в капюшонах, которые пили пиво на детской площадке под дождем, с интересом

разглядывая дорожку тачку.

– Идем, – он вышел из машины первым.

Я выскочила следом, угодив каблуком в грязь. Дамиан обошел машину, посмотрел на мои ноги, покачал головой. – Я поднимусь с тобой.

– Не надо! – я запаниковала. Пустить его в квартиру? В мой крошечный, убогий мирок с отклеивающимися обоями и протекающим краном? Это было все равно, что раздеться перед ним под ярким светом прожектора. – Я сама соберу вещи. Это займет десять минут. Жди здесь. Пожалуйста.

Он посмотрел на подростков, потом на меня. – Я не оставлю тебя одну в этом гетто ночью. И мне нужно увидеть документы. Свидетельство о рождении. Медицинскую карту. Всё.

Он подошел к двери подъезда, дернул за ручку. Магнитный замок, конечно же, не сработал – кто-то снова приклеил скотч на магнит. Дверь со скрипом открылась. Из черного зева подъезда пахло сыростью, кошачьей мочой и жареной картошкой.

Дамиан поморщился, но шагнул внутрь. – Какой этаж?

– Четвертый. Лифта нет.

Мы поднимались по лестнице, и каждый мой шаг отдавался гулким стуком сердца в ушах. Лампочка горела только на втором этаже. Выше была темнота. Я слышала его дыхание за спиной. Ровное, спокойное. Он шел уверенно, не спотыкаясь в темноте, словно хищник, который прекрасно видит

ночью.

На третьем этаже сосед, дядя Вася, выставил за дверь пакет с мусором. Он уже начал пахнуть. Дамиан перешагнул через него, не проронив ни слова, но я чувствовала его брезгливость волнами.

"Господи, пусть это закончится. Пусть земля разверзнется и поглотит меня".

Мы дошли до моей двери. Обивка из дерматина, местами порванная (спасибо соседской собаке). Номер "45" висел на одном гвозде. Я дрожащими руками достала ключи. Замок заело. Как всегда. – Дай сюда, – Дамиан мягко отобрал у меня связку. Одно точное движение, легкий поворот – и замок щелкнул. У него все получалось. Даже открывать старые двери.

Мы вошли. Я включила свет в прихожей. Лампочка мигнула и загорелась тусклым желтым светом. Узкий коридор, заваленный детской обувью. На вешалке – крошечная курточка Миши. На полу – его любимый грузовик с отломанным колесом.

Квартира пахла домом. Моим домом. Бедным, но уютным. Запах ванили (я пекла печенье вчера), детской присыпки и моих духов.

Дамиан замер на пороге. Он был слишком огромным для этой прихожей. Его плечи почти касались стен. Головой он едва не задевал антресоль. Он огляделся. Его взгляд скользнул по потертому линолеуму, по обоям в цветочек, которые

я клеила сама, будучи на седьмом месяце беременности.

– И ты гордишься тем, что "справлялась"? – тихо спросил он.

Он прошел в комнату, не разуваясь. Его ботинки оставляли влажные следы на моем ковре. – Ты привела наследника многомиллиардной империи сюда? В эту... конуру?

– Это мой дом! – вспыхнула я, бросая сумку на старый диван. – И здесь было много любви, Дамиан! Больше, чем в твоих холодных дворцах! Мы читали сказки, мы пекли пироги, мы смеялись! Миша был счастлив здесь!

– Миша выживал здесь, – жестко парировал он, проводя пальцем по подоконнику, откуда дуло. – Сквозняки. Грибок в углу, – он кивнул на темное пятно у потолка. – Неудивительно, что у него слабый иммунитет. Ты гробила его здоровье своей гордостью, Лена.

Я хотела ударить его. Задушить. Вытолкать взащей. Но правда, жестокая и голая, была на его стороне. Я знала про грибок. Я боролась с ним, но ЖЭК игнорировал заявки на ремонт крыши. Я знала про сквозняки и заклеивала окна каждую зиму.

Я сдулась, как проколотый шарик. Плечи опустились. – Что брат? – спросила я глухо.

– Документы. Твои и его. Одежду на первое время. Любимые игрушки. Остальное купим.

Он подошел к комоду, где стояла фотография в рамке. Я и Миша в парке, год назад. Мы смеемся, испачканные мо-

роженым. Дамиан взял рамку. Его большой палец погладил лицо ребенка за стеклом.

– Он похож на меня, – произнес он, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на благоговение. – Черт возьми, Смирнова. Ты сделала копию.

Он повернулся ко мне. В глазах больше не было льда. Там горел огонь. Темный, собственнический, пугающий. – Соберайся. Я даю тебе двадцать минут. Я хочу увезти сына из этого места. И тебя тоже.

– Куда? – спросила я, доставая чемодан из-за шкафа.

– Домой, – ответил он. – В место, где не течет крыша и где никто не посмеет выставить мусор под твою дверь.

Я открыла шкаф и начала бросать вещи в чемодан. Белье. Джинсы. Свитера. Мишины пижамки с динозаврами. Каждая вещь, которую я укладывала, была прощанием. Я прощалась со своей свободой. Со своей маленькой, трудной, но *моей* жизнью.

Дамиан наблюдал за мной, прислонившись к дверному косяку. Он не помогал, но и не мешал. Он просто стоял и *владел* пространством. Моя спальня вдруг стала казаться тесной, наполненной электричеством.

Я потянулась к верхней полке за коробкой с документами. Блузка задралась, оголив полоску кожи на пояснице. Я почувствовала его взгляд на своей спине. Осязаемый, горячий.

– Тебе помочь? – его голос прозвучал ниже, с хрипотцой.

– Я достану, – я встала на цыпочки.

В этот момент за стеной, у соседей-алкоголиков, что-то с грохотом упало, и раздался пьяный вопль: "Людка, сука, где водка?!". Дамиан дернулся. Его лицо мгновенно окаменело.

– Всё, – сказал он, отталкиваясь от косяка. – Время вышло. Берем документы и уходим. Прямо сейчас.

Он подошел ко мне, легко, как пушинку, отодвинул в сторону, и сам снял коробку с верхней полки. – Я не позволю, чтобы мой сын слышал это дерьмо еще хоть одну минуту.

Он открыл коробку. Сверху лежала папка "Миша". Дамиан достал свидетельство о рождении. Развернул. Пробежался глазами по строкам. "Мать: Смирнова Елена Дмитриевна". "Отец: –"

Прочерк. Дамиан провел пальцем по этой линии. – Завтра мы это исправим, – сказал он, закрывая папку. – У Миши будет отец. Официально.

Он посмотрел на меня. – И у тебя будет... защитник. Нравится тебе это или нет.

Спуск по лестнице показался мне эвакуацией из зоны бедствия. Дамиан шел впереди, неся мой потертый чемодан так легко, словно тот был набит пухом, а не всей моей жизнью. Я семенила следом, прижимая к груди папку с документами, как щит.

На втором этаже дверь квартиры дяди Васи снова приоткрылась. В щели показалось опухшее, небритое лицо. – Ленка? А ты че, переезжаешь? – прохрипел он, дыхнув перегаром, который, казалось, мог воспламенить воздух. Его мут-

ный взгляд сфокусировался на широкой спине Дамиана в кашемировом пальто. – О-о-о... Нашла себе папика?

Я споткнулась. Щеки вспыхнули так сильно, что стало жарко. Дамиан остановился. Он не обернулся, не удостоил пьяницу взглядом. Просто на секунду замер, и от его фигуры повеяло такой ледяной угрозой, что дядя Вася икнул и с грохотом захлопнул дверь, лязгнув замками.

– Не оборачивайся, – бросил Дамиан, продолжая спуск. – Не на что там смотреть.

Мы вышли под проливной дождь. Водитель Константин, монументальный, как скала, уже ждал у открытой двери машины. Он забрал у босса чемодан с такой почтительностью, будто там лежал ядерный чемоданчик, и беззвучно убрал его в багажник.

Я нырнула в салон, спасаясь от сырости и стыда. Дверь захлопнулась с глухим, дорогим звуком вакуумной пробки. Щелк. Внешний мир исчез. Шум дождя, пьяные крики, вонь мусорных баков – все осталось там, за бронированным стеклом. Здесь, внутри, пахло кожей, сандалом и стерильной чистотой. Здесь играл тихий джаз, и горела мягкая янтарная подсветка.

Машина тронулась, плавно переваливаясь через ямы моего двора, которые "Майбах" просто игнорировал своей пневмоподвеской.

Я смотрела в окно, как уплывает назад мой дом. Облезлая пятиэтажка с темными окнами. Детская площадка с ржавой

горкой, где Миша порвал свои единственные джинсы. Скамейка, на которой я плакала, когда узнала, что беременна. Это было убогое, серое, нищее место. Но это была *моя* свобода. И я оставляла её там, в лужах.

– Куда мы едем? – спросила я, не поворачивая головы.

– В "Башню Федерации", – ответил Дамиан. Он уже уткнулся в планшет, проверяя почту, словно только что не вытащил меня из трупоб. – Восточная башня.

Я сглотнула. Самое высокое здание в Европе. Самое дорогое жильё в городе. – А Миша?

– К Мише мы поедем утром, когда его переведут из реанимации в палату. Сейчас ему нужен сон, а тебе – душ и нормальная еда. Ты выглядишь так, будто упадешь в обморок через пять минут.

– Я не голодна.

– Мне плевать, – он перелистнул страницу на экране. – Моему сыну нужна здоровая мать, а не привидение. Ты будешь есть, спать и делать то, что я скажу. Привыкай, Смирнова. Демократия закончилась на пороге твоего подъезда.

Я сжала папку с документами так, что побелели костяшки. Хотелось ответить, огрызнуться, бросить ему в лицо что-нибудь едкое. Но я промолчала. У меня не было ресурсов для войны. Пока.

Город за окном менялся. Серые панельки окраин сменились сталинками проспектов, а потом замелькали огни центра. Витрины бутиков, неоновые вывески ресторанов, мок-

рый асфальт, отражающий огни большого города. Мы въезжали в мир, который я видела только на картинках в глянце-вых журналах.

"Майбах" свернул на подземную парковку Москва-Сити. Шлагбаумы взлетали перед нами автоматически, сканируя номера. Охрана отдавала честь. Мы спускались все ниже и ниже, в бетонное чрево небоскреба.

Лифт, к которому мы подошли, был отдельным. Приватным. Никаких кнопок. Дамиан приложил черную карту к панели, и двери бесшумно разъехались. – 95-й этаж, – произнес механический женский голос.

Мы взлетели вверх. Уши заложило от перепада давления. Я смотрела на цифры на табло, которые сменялись с бешеной скоростью. 40... 60... 80... Мы поднимались к облакам. Или в башню злого волшебника.

Двери открылись. – Проходи, – Дамиан сделал жест рукой. Я шагнула вперед и... забыла, как дышать.

Пентхаус. Это было не жилье. Это был храм из стекла и бетона, парящий над городом. Огромное, просто бесконечное пространство, залитое огнями ночной Москвы через панорамные окна от пола до потолка. Здесь не было стен – только стекло. Город лежал внизу, как на ладони, сверкая миллионами огней, прошитый красными артериями проспектов.

Пол из темного мрамора отражал эти огни, создавая иллюзию, что ты идешь по ночному небу. Мебели было мало – огромные диваны, стеклянные столики, какие-то абстракт-

ные скульптуры. Все в холодных тонах: графит, хром, черный глянec.

Здесь было безумно красиво. И безумно холодно. Ни одной фотографии. Ни одной личной вещи. Ни одного цветка. Идеально. Дорого. Мёртво.

– Добро пожаловать домой, – произнес Дамиан у меня за спиной. В его голосе звучала гордость собственника.

– Это... – я запнулась, пытаюсь подобрать слово, которое не обидит его, но и не будет ложью. – Впечатляет.

– Это безопасно, – поправил он. – Система "умный дом", охрана периметра, фильтрация воздуха. Здесь Миша перестанет кашлять от вашей плесени.

Он прошел в центр зала, снимая пальто и бросая его на спинку дивана. Этот небрежный жест немного оживил пространство.

– Твоя комната на втором уровне, – он указал на лестницу со стеклянными перилами, ведущую наверх. – Рядом с детской. Я приказал подготовить её. Там есть все необходимое.

– Детской? – переспросила я. – Но у тебя же... не было детей.

– Я купил эту квартиру с готовой планировкой, – он пожал плечами, расстегивая запонки. – Дизайнер настоял на детской. Я хотел переделать её в спортзал, но руки не дошли. Видимо, интуиция.

Он подошел к барной стойке, встроенной в стену, и налил себе воды. – Иди, осмотрись. Константин сейчас поднимет

чемодан. Ванная там же. Через полчаса ужин.

Я медленно пошла к лестнице, чувствуя себя муравьем в этом гигантском аквариуме. Мои шаги гулко отдавались от мрамора. Я поднялась на второй уровень. Здесь пол был из темного дерева, что добавляло хоть капельку уюта. Длинный коридор с дверями. Я толкнула первую.

Детская. Она была пустой. Светлые стены, огромная кровать в виде гоночной машины (слишком большая для трехлетки), пустые полки. Здесь не было игрушек, не было жизни. Но здесь был чистый воздух и вид на звезды.

Я закрыла дверь и вошла в следующую комнату. "Моя". Просторная спальня в бежевых тонах. Кровать king-size, застеленная бельем, которое, наверное, стоило дороже моей квартиры. Гардеробная. И снова – окна во всю стену. Я подошла к стеклу и прижалась лбом к холодной поверхности. Где-то там, далеко внизу, осталась моя прошлая жизнь. Моя мама. Мои проблемы. Моя гордость.

Теперь я здесь. В золотой клетке на 95-м этаже. С мужчиной, который ненавидит меня за ложь, но хочет моего сына.

Дверь за моей спиной тихо открылась. Я не услышала шагов. Отражение в стекле показало мне Дамиана. Он стоял в проеме, уже без пиджака и галстука, с закатанными рукавами рубашки. Он смотрел на меня.

– Нравится вид? – спросил он.

Я не обернулась. – Отсюда люди кажутся муравьями. Легко, наверное, чувствовать себя богом, глядя на всех сверху

вниз.

Я увидела в отражении, как он усмехнулся. Он подошел ближе. Встал у меня за спиной, не касаясь, но накрывая своей тенью. – Я не бог, Лена. Я просто человек, который берет то, что принадлежит ему.

Его дыхание коснулось моих волос. – Иди в душ. Смой с себя этот запах.

– Какой? – я резко обернулась, уперевшись взглядом в его грудь. – Запах бедности?

– Запах страха, – ответил он, глядя мне в глаза. – Ты пахнешь как загнанный зверь. Здесь тебе некого бояться. Кроме меня.

Я закрыла дверь ванной на замок. Щелчок механизма прозвучал в тишине как выстрел, но облегчения не принес. Я знала: в этом доме замки – лишь иллюзия. Если Дамиан захочет войти, никакая задвижка его не остановит.

Ванная комната была размером с мою гостиную. Черный мрамор с золотыми прожилками, сантехника, сияющая хромом, и зеркало во всю стену, подсвеченное по периметру так, что я видела каждую морщинку, каждую пору на своем уставшем лице. Из зеркала на меня смотрела незнакомка. Бледная, с размазанной тушью, в грязных брюках и блузке, которая помнила запах больницы и дешевого стирального порошка. Я выглядела здесь как пятно грязи на белоснежной скатерти.

Я стянула одежду, бросив её в кучу на пол. Хотелось сжечь

эти вещи. Сжечь все, что напоминало о сегодняшнем дне.

Шагнула в душевую кабину. Тропический душ обрушился на меня потоком горячей воды, плотным и тяжелым, как летний ливень. Я стояла, упершись лбом в холодный камень стены, и позволяла воде смывать с меня пыль, пот и прикосновения чужих взглядов.

На полке стояли флаконы. Никаких этикеток из супермаркета. Тяжелое темное стекло. Я выдавила немного геля на ладонь. Запах был сложным, терпким – бергамот, черный перец и что-то древесное. Запах Дамиана. Даже здесь, в интимной зоне душа, он пометил территорию. Я намыливала свое тело его запахом, и кожа горела, словно это были не пузырьки пены, а кислота.

Я терла себя мочалкой до красноты, пытаюсь содрать ощущение его пальцев на своем подбородке. *"Здесь тебе некого бояться. Кроме меня"*. Он прав. Я не боялась нищеты, я привыкла к ней. Я не боялась работы. Но я до ужаса боялась того электричества, которое возникало между нами, стоило ему подойти ближе, чем на метр.

Выйдя из душа, я завернулась в огромное пушистое полотенце, висевшее на полотенцесушителе. Оно было теплым. Боже, как давно я не вытиралась теплым полотенцем... В моей квартире трубы были вечно холодными. Мелочи. Именно они ломали волю быстрее всего. Комфорт – это наркотик, на который Дамиан собирался меня посадить.

Я открыла свой чемодан. Мои вещи – растянутые футбол-

ки, джинсы с потертостями, старенький халат – смотрелись здесь жалко. Я выбрала самое приличное: серые спортивные штаны и простую белую майку. Одежда для дома. Одежда для тюрьмы.

Собрав мокрые волосы в пучок, я глубоко вздохнула и толкнула дверь. Пора сдаваться. Или принимать бой.

Внизу горел приглушенный свет. Дамиан сидел за кухонным островом – монолитной глыбой из черного камня. Перед ним стоял ноутбук, бокал с темно-красным вином и тарелки. Он переоделся. Черная футболка обтягивала широкие плечи и бицепсы, домашние брюки сидели свободно. Босиком. Это зрелище – домашний, босой миллиардер – выбило у меня почву из-под ног сильнее, чем его костюм-тройка. Это было интимно. Слишком интимно.

– Садись, – он не поднял головы от экрана, но я знала, что он слышал каждый мой шаг. – Еда стынет.

Я подошла и села на высокий барный стул напротив. Передо мной стояла тарелка со стейком и овощами на гриле. Запах жареного мяса ударил в нос, и мой желудок предательски сжался, напоминая, что я не ела с самого утра.

– Я не... – начала я по инерции.

– Ешь, Лена, – он захлопнул ноутбук и посмотрел на меня. В его взгляде не было агрессии, только усталая настойчивость. – Тебе нужны силы. Завтра тяжелый день.

Я взяла вилку. Рука дрожала. Первый кусок мяса показался мне самым вкусным, что я ела в жизни. Сочный, тающий

во рту. Я проглотила его, едва прожевав. Дамиан наблюдал за мной. Он пил вино, медленно катая жидкость в бокале, и его глаза следили за каждым движением моих губ, за тем, как я сглатываю.

– Вкусно? – спросил он тихо.

– Да, – не стала врать я. – Спасибо.

– Это приготовил повар из ресторана на первом этаже. Он будет доставлять еду три раза в день. Меню для Миши составит диетолог, как только его выпишут.

Он отставил бокал. – А теперь давай обсудим правила.

Я замерла с вилкой у рта. Вот оно. Цена стейка.

– Правило первое, – Дамиан загибал пальцы. – Никакой лжи. Никогда. Если ты попытаешься что-то скрыть, утаить или приукрасить – сделка расторгается, и я включаю "плохого полицейского". Ты видела меня в гневе. Поверь, ты не хочешь видеть меня в ярости.

Я кивнула. – Я поняла. Больше никакой лжи.

– Правило второе. Миша. С завтрашнего дня я запускаю процесс признания отцовства. Адвокаты подготовят документы. Ты подпишешь согласие. Фамилия ребенка изменится на Барский.

У меня сжалось сердце. Смирнов Михаил. Это было последнее, что связывало его только со мной. – Он привык к своей фамилии...

– Ему три года, Лена. Он привыкнет к новой игрушке за пять минут. К фамилии, которая откроет ему любые двери,

привыкнет еще быстрее. Это не обсуждается.

– Третье, – он наклонился вперед, опираясь локтями о столешницу. Его лицо оказалось опасно близко. – Твой статус. Для персонала, для врачей, для прессы – мы пара. Мы живем вместе. Мы воспитываем сына. Никаких "нянь", "соседей" или "бедных родственниц".

– Ты хочешь, чтобы я играла роль твоей... девушки? – слово застряло в горле.

– Я хочу, чтобы у моего сына была нормальная семья. Хотя бы внешне. Ты не будешь приводить сюда мужчин. Ты не будешь бегать на свидания. Твое внимание принадлежит сыну. И мне.

– Тебе? – я вскинула голову. – В контракте ничего не было сказано про... про нас.

Дамиан усмехнулся. – А что "мы"? Ты живешь в моем доме. Ешь мою еду. Спишь в моих простынях. Ты думаешь, я буду терпеть присутствие посторонней женщины?

Он протянул руку и накрыл мою ладонь, лежащую на столе. Его пальцы погладили мою кожу, вызывая волну мурашек, которая прокатилась от запястья до самого затылка. – Мы связаны, Лена. Общим ребенком. Общим прошлым. И теперь – общим настоящим. Не строй иллюзий, что мы просто соседи.

Я попыталась убрать руку, но он удержал. – И последнее. Самое важное.

Его голос упал до шепота, вибрирующего в тишине огром-

ной квартиры. – Ты не закрываешь двери.

Я моргнула. – Что?

– В этом доме нет закрытых дверей, – повторил он, глядя мне прямо в душу. – Я должен знать, что с моим сыном все в порядке, в любую секунду. И с тобой тоже. Никаких замков. Никаких секретов. Ты всегда доступна.

– Даже в ванной? – выдохнула я, чувствуя, как краска заливает лицо.

– Особенно в ванной, – в его глазах вспыхнул темный, порочный огонь. – Я волнуюсь, вдруг ты поскользнешься.

Он отпустил мою руку и встал. – Доедай. И иди спать. Завтра в восемь утра мы едем в клинику.

Он прошел мимо меня к лестнице, задев плечом. Я почувствовала жар его тела. – Спокойной ночи, Смирнова.

Я осталась сидеть перед остывающим стейком, слушая, как гулко бьется мое сердце в золотой клетке, где с петель сняли все двери.

Глава 4. Чужая кожа

Я проснулась не от звонка будильника и не от грохота мусоровоза под окном, как это было последние три года. Меня разбудил свет.

Он лился сквозь панорамные окна, которые я забыла – или не смогла разобраться как – зашторить с вечера. Холодное, бледное питерское солнце, преломленное сквозь слои стекла на девяносто пятом этаже, казалось хирургическим прожектором.

Первые секунды я лежала неподвижно, уставившись в незнакомый белоснежный потолок. Тело утонуло в матрасе, который, казалось, обнимал каждый позвонок, подстраиваясь под мои изгибы. Постельное белье пахло не дешевым кондиционером «Альпийская свежесть», а чем-то едва уловимым, дорогим – хлопком высшего качества и озоном.

«Где я?»

Память вернулась мгновенным, болезненным ударом под дых. Пентхаус. Дамиан. Миша в реанимации. Я продала свою свободу за пятьсот тысяч рублей и безопасность сына.

Я резко села в кровати. Сердце тут же забилося где-то в горле, разгоняя по венам остатки вчерашнего адреналина. Взгляд метнулся к двери спальни. Она была приоткрыта. Щель сантиметров в десять. Черная полоска темноты коридора на фоне светлой стены.

Я точно помнила, что закрывала её вчера. Не на замок (замка не было), но плотно, до щелчка. Значит, он заходил. Ночью. Или утром, пока я спала.

Холод пробежал по спине, заставив кожу покрыться мурашками. Он приходил проверить меня? Или просто стоял и смотрел, наслаждаясь своей властью? От этой мысли мне стало физически неудобно, словно кто-то провел ледяным пальцем по моему позвоночнику. «Здесь нет закрытых дверей». Он не шутил.

Я откинула одеяло и спустила ноги на пол. Паркет из темного дерева был теплым – подогрев. Конечно. В этом доме даже пол заботился о тебе, пока хозяин ломал твою психику.

Часы на прикроватной тумбочке показывали 07:15. В восемь мы выезжаем.

Я метнулась в ванную, стараясь не шуметь. Инстинкт "мышки", выработанный годами жизни с тонкими стенами, никуда не делся. В зеркале отразилась бледная тень с темными кругами под глазами. Вчерашний стресс выпил из меня все соки. Я плеснула ледяной водой в лицо, пытаюсь смыть остатки сна и страха.

Зубная щетка. Паста. Быстрый душ. Я двигалась на автомате, как робот. На полочке стояли новые баночки – кремы, тоники, сыворотки. Бренды, названия которых я видела только в рекламе. Кто их купил? Когда? Дамиан. Или его помощники. Они подготовили эту клетку заранее. Или укомплектовали её за ночь, пока я спала без задних ног. Эффек-

тивность Барского пугала больше, чем его гнев.

Вернувшись в спальню, я открыла свой чемодан. Он лежал на банкетке у стены, выглядя жалким и чужеродным пятном в этом интерьере "люкс". Я перебирала вешалки. Джинсы? Слишком просто. Платье? Слишком нарядно для реанимации. Брючный костюм? Единственный приличный я испачкала вчера в луже.

Я вытащила темно-синие брюки (старые, но чистые) и бежевый свитер крупной вязки. Он был теплым, уютным и... бесформенным. То, что нужно. Мне хотелось спрятаться. Укутаться в кокон, чтобы ни сантиметр кожи не был виден этому хищнику.

Одеваясь, я то и дело косилась на приоткрытую дверь. Мне казалось, что из темноты коридора за мной наблюдают серые глаза. Это была паранойя, я знала. Но от этого знания легче не становилось.

Собрав волосы в тугий хвост (никаких локонов, никакой женственности), я глубоко вздохнула, натягивая маску спокойствия, и вышла в коридор.

В доме пахло кофе. Не растворимой бурдой, которую я пила по утрам, чтобы продрать глаза, а настоящим, густым, горьким эспрессо. Этот запах вел меня вниз по лестнице, как невидимая нить.

Я спускалась по стеклянным ступеням, чувствуя себя самозванкой, пробравшейся во дворец. Огромная гостиная была залита утренним светом. Город внизу просыпался, стоя

в бесконечных пробках, а здесь, на вершине мира, царила тишина.

Дамиан сидел там же, где и вчера вечером – за черным мраморным островом кухни. Но "домашний" образ исчез. Перед моим взором снова был Акула Бизнеса. Идеальная белая рубашка, запонки сверкают серебром, волосы уложены волосок к волоску. Он читал что-то на планшете, держа в одной руке чашку, а другой быстро пролистывая страницы.

Он выглядел как машина. Совершенный механизм для зарабатывания денег и подавления воли. Спал ли он вообще?

– Доброе утро, – произнесла я, останавливаясь у последней ступени. Голос прозвучал хрипло.

Он не вздрогнул. Медленно поднял голову. Серые глаза скользнули по мне. Снизу вверх. От стоптанных балеток (я не решилась надеть каблуки) до моего растянутого свитера. Взгляд задержался на лице. Без макияжа. Без защиты.

– Пунктуальна, – заметил он, откладывая планшет. – Это радует. Кофе?

– Да, пожалуйста.

Он кивнул на кофемашину – хромированного монстра, который стоил, вероятно, как подержанная иномарка. – Чашка там. Кнопка справа. Сахара нет. Я его не держу.

Я подошла к машине. Мои руки дрожали, и я молилась, чтобы не уронить чашку. Звон разбитого фарфора в этой тишине был бы подобен взрыву бомбы. Пока машина гудела, наливая черный напиток, я чувствовала его взгляд на своей

спине. Он жег лопатки сквозь толстую вязку свитера.

– Ты спала? – спросил он. Вопрос прозвучал не как проявление заботы, а как сбор анамнеза.

– Да, – я взяла чашку, обжигая пальцы, и повернулась к нему. – Спасибо за... удобную кровать. И за то, что заходил проверить.

Я не выдержала. Я должна была это сказать. Обозначить, что я заметила.

Дамиан чуть прищурился. Уголок губ дрогнул в едва заметной усмешке. – Я проверял не тебя, Лена. Я проверял периметр. Привычка.

– Дверь была открыта, – парировала я, делая глоток. Кофе был крепким, почти вязким. Он ударил в голову лучше любого энергетика. – Ты нарушил мое личное пространство, пока я спала.

– В этом доме все пространство – моё, – спокойно ответил он, вставая со стула. – Ты здесь гостья. С привилегиями, но гостья. Не забывай об этом.

Он подошел ко мне. Вблизи он казался еще выше. Его энергетика давила, вытесняла кислород. Он протянул руку и... потянул меня за ворот свитера, расправляя его.

– Этот мешок, – произнес он с легкой брезгливостью, – мы сожжем сегодня же вечером.

– Это мой любимый свитер, – я отступила на шаг, вырывая ткань из его пальцев. – Мне в нем тепло.

– Тебе в нем *никак*, – отрезал он. – Ты выглядишь как

беженка. А ты – мать Барского. Мой стилист приедет в обед. Подберет гардероб.

– Я не кукла, Дамиан! – вспыхнула я. – Ты не можешь просто переодеть меня, как Барби!

– Могу, – он посмотрел на часы. – И сделаю. Потому что рядом со мной должна быть женщина, а не тень. Допивай. У нас пять минут до выхода.

– А завтрак? – спросила я, просто чтобы потянуть время. Аппетита не было.

– Поешь в клинике. Или по дороге. Миша ждет.

Имя сына подействовало как стоп-кран. Вся моя злость, все попытки отстоять границы мгновенно испарились. Миша. Он там один. Проснулся после наркоза. В чужом месте.

Я поставила чашку на стол. – Я готова. Поехали.

Дамиан кивнул, довольный тем, как быстро я переключилась. – Вот теперь я вижу правильную мотивацию.

Мы вышли из пентхауса. В лифте, пока мы падали вниз с небес на землю, Дамиан вдруг сказал: – Сегодня ты представишь меня Мише.

Я замерла. – Как кого?

Он повернулся ко мне. В зеркальных стенах лифта отразились десятки Дамианов и десятки испуганных Лен. – Как папу, Смирнова. Как его отца, который вернулся из... долгой командировки.

– Это слишком быстро! – запротестовала я. – Он маленький! Это травма! Нельзя просто так свалиться на голову ре-

бенку и сказать "Здравствуй, я твой папа"!

– А что ты предлагаешь? – его голос стал жестким. – Играть в "дядю-спонсора" еще год? Нет. Я потерял три года. Я не потеряю больше ни дня. Ты подготовишь его. Сейчас. В машине.

– Я?!

– Ты. Ты мать. Ты переводишь этот мир на его язык. Найди слова. Скажи, что папа был полярником, космонавтом, секретным агентом – мне плевать. Но когда мы войдем в палату, он должен знать, кто я.

Двери лифта открылись на парковке. Константин уже держал открытой дверь машины. – Это жестоко, – прошептала я, проходя мимо Дамиана.

– Это жизнь, – ответил он мне в спину. – Садись. У тебя сорок минут, чтобы придумать сказку со счастливым концом.

Сорок минут. Навигатор бесстрастно отсчитывал время до точки назначения, а я чувствовала себя сапером, которому нужно перерезать красный провод, но руки трясутся так, что он не может удержать кусачки.

За окном проплывал мокрый серый город, размазанный по стеклу каплями дождя, но я не видела ничего. В голове крутилась карусель из дурацких, картонных фраз.

– Полярник? – предложила я, нарушая тишину. Голос звучал жалко. – Ты был на Северном полюсе. Спасал... пингинов.

Дамиан даже не оторвался от экрана телефона. – Пингвины живут на Южном, Смирнова. И я не похож на Деда Мороза. Дальше.

– Космонавт? – я вцепилась пальцами в колени, комкая ткань старых брюк. – Улетел на Марс. Связи не было. Ракета сломалась.

– Слишком драматично. Он будет бояться, что я снова улечу и разобьюсь. Ребенок должен чувствовать стабильность, а не ждать, когда у папы закончится кислород.

Он заблокировал телефон и повернулся ко мне. В полумраке салона его глаза казались почти черными. – Думай проще, Лена. Кем мечтают стать мальчишки?

– Супергероями, – буркнула я. – Но у тебя нет плаща. И ты скорее похож на суперзлодея.

Уголок его рта дернулся. – Злодеи эффективнее. Они строят империи, пока герои носят трусы поверх лосин. Скажи ему, что я капитан.

– Капитан чего? – я моргнула. – Корабля?

– Капитан секретной службы. Разведчик. Командир. Называй как хочешь. Я был на важном задании. Спасал мир. Не мог позвонить, потому что враги могли засечь сигнал.

– Ты серьезно? – я посмотрела на него с недоверием. – "Штирлиц"? Ты хочешь, чтобы я сказала трехлетке, что его папа – шпион?

– Я хочу, чтобы он гордился, а не жалел "бедного папу, который заблудился в космосе", – отрезал он. – Детям нужна

героика. Я был далеко, защищал всех нас, но теперь я вернулся. И больше никуда не уйду. Это понятный концепт. В нем есть сила. И в нем есть обещание безопасности.

– И обещание, что ты убиваешь людей, – прошептала я.

– Я бизнесмен, Лена. Я убиваю конкурентов. Метафорически, конечно, – он усмехнулся, но от этой усмешки у меня по спине пробежал холодок. – Версия утверждена. Ты говоришь, я подтверждаю. И добавь деталей. Дети любят детали. Скажи, что я привез ему трофей.

Он кивнул на заднее сиденье, где лежал огромный, упакованный в подарочную бумагу пакет. – Что там? – спросила я.

– Увидишь.

Машина мягко затормозила у парадного входа частной клиники "MedSwiss". Здесь не было очередей. Не было запаха хлорки. Швейцар в ливрее открыл нам дверь, и мы вошли в холл, больше напоминающий лобби пятизвездочного отеля. Мрамор, живые орхидеи в вазонах, тихая музыка.

Нас уже ждали. Профессор Войцеховский и еще двое врачей в накрахмаленных халатах стояли навтыжку. – Дамиан Александрович, Елена Дмитриевна, – профессор склонил голову. – Доброе утро. Состояние Михаила стабильное. Показатели в норме. Мы перевели его в детское VIP-отделение час назад. Он уже позавтракал.

– Он спрашивал про меня? – вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

Врач на секунду замялся, бросив быстрый взгляд на Да-

миана. – Он звал маму. И... спрашивал про "большого дядю". Того, который спас его от боли.

Я почувствовала, как Дамиан рядом со мной расправил плечи. Его это только что получило инъекцию чистого эндорфина. "Большой дядя". Миша помнил.

– Ведите, – скомандовал Барский.

Мы шли по коридору, стены которого были расписаны сценами из мультфильмов. Добрые медведи, жирафы, облака. Но даже здесь Дамиан умудрялся выглядеть чужеродно. Его черный кашемировый плащ развевался при ходьбе, как мантия темного лорда, инспектирующего захваченный Диснейленд.

У двери палаты №1 я остановилась. Ноги приросли к полу. Страх накрыл меня ледяной волной. Сейчас. Сейчас я своими руками разрушу мир моего сына и построю новый. Мир, построенный на лжи.

– Лена, – голос Дамиана прозвучал у самого уха. – Не смей дрожать. Дети чувствуют страх как собаки. Улыбайся.

Он положил руку мне на поясницу. Его ладонь была горячей и тяжелой. Он не поддерживал меня – он толкал вперед.

Я набрала в грудь воздуха, натянула на лицо улыбку, от которой сводило скулы, и толкнула дверь.

Палата была огромной. Больше моей квартиры. Окно выходило в парк. Посреди комнаты стояла кровать-трансформер. На ней, обложенный подушками, сидел Миша. Он выглядел таким маленьким среди всех этих проводов и мони-

торов. Бледный, с синяками под глазами, в смешной больничной пижаме с зайцами. В руке он сжимал своего старого, одноглазого медведя – единственную вещь из прошлой жизни, которую нам разрешили взять.

При виде нас его личико просияло. – Мама!

– Мишутка! – я бросилась к нему, упала на колени перед кроватью, зарываясь лицом в его теплое пузико. – Мой хороший! Мой герой! Как ты? Болит?

– Чуть-чуть, – он поморщился, но тут же улыбнулся, глядя меня по голове. – Доктор дал вкусную таблетку. Сказал, я космонавт.

– Ты самый смелый космонавт в мире, – я целовала его ладошки, пытаюсь сдержать слезы.

И тут взгляд Миши переместился мне за спину. Его глаза расширились. – Дядя! – выдохнул он с благоговением.

Я медленно поднялась и обернулась. Дамиан стоял в центре палаты. Он снял плащ, оставшись в темно-синем костюме. В руках он держал тот самый пакет. Он смотрел на сына. И в этот момент маска "Акулы Бизнеса" дала трещину. В его глазах не было холода. Там была... неуверенность? Великий и ужасный Барский боялся трехлетнего мальчика.

– Привет, боец, – сказал он. Голос его дрогнул, но он быстро взял себя в руки. – Как самочувствие?

– Хорошо, – Миша сел ровнее, инстинктивно копируя осанку отца. – А вы пришли меня лечить?

– Нет, – Дамиан подошел ближе. Он поставил пакет на

край кровати. – Я пришел... знакомиться. Точнее, мы уже знакомы, но ты меня не помнишь.

Он посмотрел на меня. Взгляд-приказ: "Твой выход".

Я сглотнула ком в горле. Взяла Мишу за руку. – Миша, солнышко... послушай меня. Помнишь, я рассказывала тебе, что твой папа очень далеко? Что он на важной работе?

Миша кивнул. – Он капитан. Он плавает на корабле и не может звонить.

Я запнулась. Я говорила ему это? Ах да, полгода назад, когда он плакал, увидев в садике, как других детей забирают отцы.

– Да, – подхватила я, чувствуя, как ложь липкой патокой обволакивает язык. – Но он был не на корабле. Он был... на секретном задании. Он спасал мир, Миша. Поэтому он не мог приехать. Но он всегда думал о тебе.

Я повернула его лицом к Дамиану. – Миша... это твой папа. Он вернулся.

Тишина в палате стала такой плотной, что её можно было резать ножом. Писк монитора отсчитывал удары сердца моего сына. Раз. Два. Три.

Миша смотрел на Дамиана. Он переводил взгляд с меня на него и обратно. В его детском мозгу происходила титаническая работа. Он сверял картинку с образом, который я рисовала ему в сказках перед сном.

Дамиан не шевелился. Он ждал вердикта.

– Папа? – тихо спросил Миша.

– Да, – хрипло ответил Дамиан. Он опустился на одно колено прямо на больничный пол, чтобы быть на одном уровне с глазами сына. – Привет, сын. Я вернулся.

Миша склонил голову набок, разглядывая его. – Ты большой, – констатировал он. – Как гора.

Дамиан усмехнулся. Искренне. – Я сильный, Миша. Чтобы защищать тебя.

– А ты привез мне подарок? – с детской непосредственностью спросил сын. – Мама говорила, папа привезет ракушку.

– Лучше, – Дамиан потянулся к пакету. – Ракушки – это для туристов. А для сына капитана...

Он достал коробку. Это был не плюшевый медведь. И не машинка. Это был точный, коллекционный макет парусника. С черными парусами, сложной оснасткой и маленькими пушками на борту. Игрушка не для трехлетки. Игрушка для мужчины. Дорогая, хрупкая, великолепная.

Но глаза Миши загорелись так, словно ему подарили настоящую звезду. – Корабль! – выдохнул он, забыв про швы на животе, и потянулся к коробке. – "Черная Жемчужина"?

– Почти, – Дамиан поставил корабль на столик, чтобы Миша мог его потрогать. – Это фрегат. Самый быстрый в мире. Мы соберем его вместе, когда ты поправишься.

Миша провел пальчиком по мачте. Потом посмотрел на Дамиана. В его глазах больше не было страха или недоверия. Он был куплен. С потрохами. Кораблем и сказкой о секретном задании.

– Папа, – сказал он уверенно. – А ты умеешь стрелять из пушки?

Дамиан засмеялся. Глубоким, грудным смехом, который преобразил его лицо, сделав его моложе лет на десять. – Умею, боец. Я научу тебя. Всему научу.

Он посмотрел на меня поверх головы сына. В его взгляде было торжество. "Видишь? – говорили его глаза. – Это было несложно. Он мой".

Я стояла в стороне, чувствуя себя лишней на этом празднике мужского единения. Мой сын только что принял чужака. Мой сын предал меня за красивый фрегат. Нет. Я одернула себя. Это ревность. Глупая, материнская ревность. Мише нужен отец. И Дамиан... он старается. По-своему, неуклюже, покупая любовь, но старается.

– Когда меня выпишут? – спросил Миша, не сводя глаз с корабля. – Я хочу домой. К маме в кроватку.

Дамиан и я переглянулись. Вот он. Второй момент истины.

– Мы не поедem в ту квартиру, Миша, – мягко сказал Дамиан. – Пока меня не было, я построил нам новый дом. Большой. Как замок. Там ты будешь жить с мамой и со мной.

– Замок? – глаза Миши округлились. – На горе?

– На небе, – серьезно ответил Дамиан. – Выше облаков. Тебе понравится.

Миша зевнул. Лекарства и эмоции брали свое. – Ладно, – пробормотал он, прижимаясь щекой к подушке, но не вы-

пуская руку Дамиана, которую тот положил на одеяло. – Если с мамой... то ладно.

Через минуту он спал.

Дамиан осторожно убрал руку. Выпрямился. Лицо его снова стало жестким, но в уголках глаз остались лучики тепла. – Он принял меня, – констатировал он шепотом.

– Он ребенок, Дамиан, – так же тихо ответила я. – Он верит в чудо. Не разочаруй его. Если ты наиграешься в отца и бросишь его... я тебя убью. Я найду способ.

Он шагнул ко мне, взяв за локоть. – Я не бросаю то, что принадлежит мне, Лена. Никогда.

В этот момент дверь палаты открылась без стука. На пороге стояла женщина. Высокая, в безупречном бежевом костюме, с укладкой, которая стоила как моя почка. Карина. Его бывшая невеста. Та самая, которая унижала меня на корпоративе.

Она окинула взглядом палату: спящего ребенка, Дамиана, стоящего слишком близко ко мне, и меня – в моих убогих штанах и свитере.

Ее губы скривились в улыбке, полной яда. – Дамиан, дорогой. Мне сказали в приемной, что ты здесь. Я волновалась. Кто это? Твой новый благотворительный проект?

Запах её духов – резкий, сладкий, удушающий аромат туберозы и денег – ворвался в палату раньше, чем она закончила фразу. Он заполнил собой стерильное пространство, вытесняя запах лекарств и детской присыпки.

Миша завозился во сне, поморщился, словно почувствовал угрозу на инстинктивном уровне.

Дамиан среагировал мгновенно. Он не обернулся к Карине. Он сделал шаг в сторону, закрывая собой кровать сына, словно стальной щит. Его лицо, которое секунду назад светилось теплом, превратилось в каменную маску.

– Вон, – произнес он. Тихо. Голос прозвучал как щелчок затвора пистолета с глушителем.

Карина замерла. Её идеальная улыбка дрогнула, но не исчезла. Она привыкла к тому, что мир вращается вокруг её желаний, и отказ воспринимала как временную техническую ошибку.

– Дамиан, милый, ты слишком напряжен, – она сделала шаг вперед, цокая каблуками-шпильками по полу. – Я понимаю, ты занят... спасением сирот? Или это дочь твоей уборщицы?

Её взгляд – холодный, оценивающий, пустой – скользнул по мне. Она осмотрела мой растянутый бежевый свитер, мои старые брюки, мои растрепанные волосы. Я увидела в её глазах не просто презрение. Я увидела брезгливость, с какой смотрят на раздавленного таракана.

Мне захотелось провалиться сквозь землю. Сжаться в атом. Исчезнуть. В этот момент я ненавидела свою одежду, свою бедность, свою беспомощность так остро, что к горлу подступила желчь.

– Карина, – Дамиан повернулся к ней всем корпусом. Он

не повысил голос ни на децибел, но температура в комнате упала ниже нуля. – Ты оглохла? Или мне вызвать охрану, чтобы тебя вывели, как бродячую собаку?

Её глаза округлились. Краска отхлынула от лица, оставив два ярких пятна румян на скулах. – Как ты смеешь так со мной разговаривать? Из-за этой... этой оборванки?

Она ткнула в меня пальцем с идеальным маникюром. – Кто она, Дамиан? Твоя новая подстилка? Ты опустился до уровня обслуживающего персонала?

Я вздрогнула, словно получила пощечину. Дамиан шагнул к ней. Он двигался быстро, плавно, угрожающе. Карина инстинктивно попятилась, наткнувшись спиной на дверной косяк.

– Закрой рот, – прошипел он, нависая над ней. – И слушай внимательно, потому что я повторю это только один раз.

Он протянул руку и, не глядя, схватил меня за запястье. Рывком притянул к себе. Я ударилась о его бок, но его рука тут же обняла меня за плечи, фиксируя, прижимая, присваивая. Это было собственническое объятие. Железное. Так держат то, что готовы защищать насмерть.

– Это Елена, – произнес он, глядя Карине прямо в глаза. – И она не персонал. Она мать моего сына.

Тишина. Оглушительная, звенящая тишина. Карина моргнула. Один раз. Второй. Её мозг отказывался обрабатывать информацию. – Твоего... кого?

Дамиан кивнул на кровать, где спал Миша. – Моего сына.

Михаила Дамиановича Барского. Наследника империи, которую ты так хотела получить через постель.

Взгляд Карины метнулся к ребенку. Она увидела черные волосы, разбросанные по подушке. Увидела профиль. Увидела тот самый макет корабля, стоящий на тумбочке – подарок, который стоит больше, чем её сумочка "Birkin".

Её лицо исказилось. Маска светской львицы треснула, обнажая уродливую гримасу ярости и шока. – Ты врешь... – прошептала она. – У тебя нет детей. Мы были вместе два года! Ты говорил, что чайлдфри!

– Я не хотел детей от *тебя*, Карина, – добил её Дамиан. Каждое слово – как гвоздь в крышку гроба. – Чувствуешь разницу?

Она задохнулась от возмущения. Перевела взгляд на меня. Теперь в её глазах была не брезгливость. В них была ненависть. Чистая, дистиллированная ненависть женщины, у которой увели приз.

– Ты... – прошипела она, глядя на меня. – Ты, дешевая дрянь... Ты его окрутила? Залетела и шантажировала?

– Охрана! – голос Дамиана, усиленный интеркомом на стене, заставил её вздрогнуть.

В коридоре послышался топот тяжелых ботинок. Через секунду в дверях выросли двое амбалов в форме клиники.

– Выведите эту женщину, – скомандовал Барский, не разжимая объятий. – И аннулируйте её пропуск. Если я увижу её ближе чем на сто метров к этой палате или к моему дому

– вы все будете уволены.

– Дамиан! – взвизгнула Карина, когда охранник взял её под локоть. – Ты пожалеешь! Мой отец... пресса... я всех подниму! Я расскажу, что ты притащил в клинику какую-то нищенку и выдаешь бастарда за наследника!

– Попробуй, – Дамиан улыбнулся. Это была самая страшная улыбка, которую я когда-либо видела. – И я опубликую счета твоего "благотворительного фонда". И видео с той вечеринки на Ибице. Рискни, Карина.

Она побелела. Охранники поволокли её к выходу. Стук её каблуков затих в конце коридора.

Дверь закрылась.

Дамиан медленно выдохнул и разжал руку, державшую мое плечо. Я пошатнулась, лишившись опоры. Ноги дрожали так, что я едва стояла.

– Ты... – я посмотрела на него. – Зачем ты это сделал? Ты объявил войну.

– Война началась три года назад, когда ты решила поиграть в прятки с судьбой, – он поправил манжет рубашки, возвращая себе невозмутимый вид, хотя я видела, как на шее бьется жилка. – Я просто сделал первый выстрел.

Он подошел к кровати Миши, поправил одеяло. Мальчик спал крепко, ничего не слыша. Счастливый в своем неведении.

– Она расскажет всем, – прошептала я. – Журналистам. Партнерам. Завтра мое лицо будет во всех таблоидах. В этом

свитере!

Дамиан повернулся ко мне. В его взгляде больше не было той мягкости, с которой он смотрел на сына. Там снова был расчетливый холод.

– Именно поэтому мы едем к стилисту. Прямо сейчас. Пока Карина добежит до журналистов, ты должна выглядеть так, чтобы ни у кого не возникло сомнений: ты – королева, а не пешка.

– Я не могу оставить Мишу! – я шагнула к кровати.

– С ним останется охрана. И моя мать, – он достал телефон. – Она уже едет сюда.

– Твоя мать?! – я чуть не упала. – Та самая, которая...

– Та самая, которая мечтает о внуках больше жизни. Она будет сидеть здесь как цербер и порвет любого, кто косо посмотрит на Мишу. Включая Карину.

Он схватил меня за руку. – Идем. У нас мало времени. К вечеру ты должна превратиться из Елены Смирновой в женщину Дамиана Барского. И поверь мне, это превращение будет больнее, чем любая операция.

Мы вышли из палаты. Я оглянулась на спящего сына. Мой маленький мальчик в безопасности, но какой ценой? Я бросила себя в топку амбиций и войн этого страшного человека.

В лифте Дамиан не смотрел на меня. Он строчил сообщения, раздавал приказы, запускал механизмы. Я посмотрела на свое отражение в зеркале. Уставшая, серая, в старой одежде. Это был последний раз, когда я видела эту женщину.

Дамиан собирался убить её и создать новую.

Лифт дзынькнул на первом этаже. – Готова? – спросил он, протягивая руку, чтобы вывести меня к машине, где уже, возможно, дежурили первые папарацци.

Я подняла подбородок. Вспомнила глаза Карины. Вспомнила её "благотворительный проект". Злость – хорошее топливо. Лучше, чем страх.

– Я готова, – сказала я. – Сделай из меня оружие, Барский. И я уничтожу эту суку.

Дамиан усмехнулся. Впервые с уважением. – Вот это разговор. Пошли.

Глава 5. Огранка

– Ты понимаешь, что произойдет через час? – голос Дамиана нарушил вакуумную тишину салона.

Я смотрела на свои руки, сложенные на коленях. Ногти коротко острижены, без лака, кутикула сухая. На правом запястье – след от его хватки, медленно наливающийся синевой. След собственности.

– Карина сольет информацию, – ответила я, не поднимая головы. – Скорее всего, через анонимные телеграм-каналы. "Миллиардер Барский скрывал внебрачного сына от нищей любовницы". Или что-то в этом духе.

– Хуже, – он достал планшет и открыл график котировок. – Она ударит по репутации холдинга. Она попытается выставить меня безответственным бабником, а тебя – охотницей за деньгами, которая использовала ребенка как рычаг. Акции качнутся. Совет директоров начнет задавать вопросы.

Он повернулся ко мне. В полумраке машины его лицо казалось высеченным из гранита. Ни грамма жалости. Ни капли сочувствия. Только холодный расчет полководца, оценивающего потери перед битвой.

– Чтобы выиграть эту войну, Смирнова, одной правды мало. Людям плевать на правду. Им нужна картинка.

– И какую картинку ты хочешь им продать? – я наконец

посмотрела на него. Внутри меня все еще клокотала ярость после слов Карины. Эта ярость была хорошим топливом. Она выжигала страх.

– Картинку "Истинной Женщины", – отчеканил он. – Не жертвы. Не бедной родственницы. А женщины, ради которой мужчина вроде меня мог потерять голову. Ты должна выглядеть так, чтобы, глядя на тебя, ни у кого не возникло вопроса "почему она?". Чтобы вопрос был только один: "как мне стать ею?".

Машина свернула с проспекта в тихий переулок в районе "Золотого треугольника". Здесь не было кричащих вывесок. Только тяжелые дубовые двери, латунные таблички и витрины, в которых стоял один-единственный манекен, одетый в платье стоимостью в годовой бюджет небольшой африканской страны.

– Мы приехали, – Дамиан убрал планшет.

– Это магазин? – я с сомнением посмотрела на вывеску "Artur B. Private Lounge".

– Это цех, – усмехнулся он, открывая дверь. – Где из алмазного сырья делают бриллианты. Или крошку. Зависит от качества камня.

Мы вышли под дождь, но не успели промокнуть – швейцар уже держал зонт. Внутри пахло лилиями, свежесваренным кофе и химией – лаком для волос и краской. Свет был ярким, бестеневым, беспощадным. Он высвечивал каждую пору на моем лице, каждую пылинку на моем старом свите-

ре.

Нас встретил мужчина. Высокий, худой как жердь, одетый во все черное. Его волосы были собраны в идеальный хвост, а на пальцах сверкало больше колец, чем у меня было за всю жизнь. Артур. Легенда питерского стайлинга. Человек, к которому записываются за полгода.

– Дамиан! – он раскинул руки, но обнимать Барского не решился, ограничившись легким поклоном. – Mon cher, ты сказал "срочно", и я отменил запись жены вице-губернатора. Надеюсь, причина того стоит.

Дамиан не ответил. Он просто шагнул в сторону, открывая меня. – Вот причина.

Артур замер. Его взгляд – цепкий, профессиональный, лишенный всякой деликатности – прошелся по мне как лазерный сканер. Сверху вниз. И обратно. Он обошел меня вокруг, цокая языком. Взял прядь моих волос двумя пальцами, словно это была дохлая крыса, и брезгливо отпустил.

Я стояла, сжав кулаки, и чувствовала себя лошадью на ярмарке. Мне хотелось ударить его. Или убежать. Но я вспомнила взгляд Карины. "Благотворительный проект". "Терпи, Лена. Терпи".

– Боже мой, – наконец выдохнул Артур, поворачиваясь к Дамиану. – Это что? Шутка? Пари? Ты проиграл в карты дьяволу?

– Это мать моего сына, – спокойно ответил Дамиан, садясь в кожаное кресло и закидывая ногу на ногу. – И лицо моего

бренда на ближайший месяц. У тебя есть три часа, Артур. Сделай так, чтобы вечером она могла войти в Букингемский дворец, и королева попросила бы у неё автограф.

Артур застонал, театрально прижав руки к вискам. – Три часа! Да тут работы на три недели! Кожа обезвожена, волосы – солома, форма бровей – "привет из девяностых". А этот свитер... его нужно сжечь и пепел развеять над Финским заливом, чтобы не осквернять землю!

– Меньше драмы, больше дела, – Дамиан достал телефон. – Я плачу тройной тариф. За молчание – пятерной.

Артур мгновенно подобрался. Глаза хищно блеснули. – Девочки! – хлопнул он в ладоши. – Раздевайте её! В ноль! Сжигаем всё!

Ко мне подлетели три ассистентки. Меня потащили в глубину зала, за ширмы. Начался ад.

С меня стянули одежду. Всю. Оставив только в одноразовых трусиках, в которых я чувствовала себя еще более голой. Меня усадили в кресло перед огромным зеркалом. – Цвет – холодный шоколад, – командовал Артур, смешивая краску в миске. – Убираем этот дешевый рыжий пигмент. Длину – резать. Каре. Жесткое, графичное. Ей нужна шея. У неё, оказывается, есть шея, если снять этот мешок!

– Ай! – я дернулась, когда он больно дернул меня за волосы, разделяя на проборы.

– Не вертеться! – рявкнул он. – Красота требует жертв, милочка. А статус требует дисциплины.

Холодная субстанция шлепнулась на кожу головы. Запах аммиака ударил в нос. Параллельно кто-то возился с моими ногами (педикюр), кто-то – с руками. Я была похожа на машину на пит-стопе, которую разбирают механики.

Дамиан не ушел. Я видела его отражение в зеркале. Он сидел поодаль, пил эспрессо и наблюдал. Он не смотрел в телефон. Он смотрел на *меня*. На мое полуобнаженное тело, завернутое в пеньюар. На то, как меня "перекраивают". В его взгляде не было вожделения. Это был взгляд скульптора, который следит, как из куска глины отсекают лишнее. Контроль. Тотальный контроль над каждой стадией процесса.

– Маникюр – нюд, – бросил он, не повышая голоса, но маникюрша тут же вздрогнула и убрала красный лак. – Никаких когтей. Форма – мягкий квадрат.

– Слушаюсь, Дамиан Александрович.

– Брови, – продолжал он. – Не делайте из неё клоуна. Естественная форма.

– Ты разбираешься в бровях? – не выдержала я, глядя на него через зеркало.

– Я разбираюсь в стандартах, – ответил он. – Ты должна выглядеть дорого. А "дорого" – это когда не видно, сколько усилий потрачено.

Время тянулось, как резина. Моя голова гудела от фена. Кожу щипало от пилинга. – Теперь лицо, – Артур взял кисти. – У тебя хорошие скулы, детка. Но эти синяки под глазами... Ты что, не спишь вообще?

– У меня болел сын, – огрызнулась я.

– Горе красит только вдову на похоронах миллионера, – парировал стилист, нанося консилер. – В остальных случаях оно старит.

Через два часа я перестала чувствовать свое тело. Я была просто манекеном. – Вставай, – скомандовал Артур. – Теперь одежда.

В зал вкатили вешалку. На ней не было ничего бежевого. И ничего "уютного". Шелк. Кашемир. Кожа. Цвета: глубокий синий, изумруд, черный, белый.

– Примерь это, – Дамиан указал на брючный костюм цвета ночного неба. – И туфли.

Я взяла вешалку. Ткань была прохладной и тяжелой. Зашла в примерочную. Брюки сели идеально, словно сшитые по мне. Высокая талия, стрелки, о которые можно порезаться. Жакет – приталенный, с глубоким вырезом, который предполагал отсутствие белья или кружевной топ. Я надела его на голое тело, застегнув одну пуговицу.

Вышла. Встала на каблуки. Двенадцать сантиметров. Мой рост изменился. Моя осанка изменилась – я просто не могла сутулиться в этом костюме.

Я подошла к большому зеркалу. И замерла. Оттуда на меня смотрела... не Лена Смирнова из хрущевки. Это была хищница. Темные блестящие волосы до плеч, идеально ровные. Глаза, ставшие огромными и яркими благодаря правильному макияжу. Скулы, о которые можно порезаться. Ко-

стюм сидел как вторая кожа, подчеркивая хрупкость фигуры и одновременно придавая ей жесткость.

Я выглядела опасной. Я выглядела так, словно могла купить этот салон вместе с Артуром.

– Повернись, – голос Дамиана прозвучал хрипло.

Я медленно развернулась. Он стоял в шаге от меня. Он тоже рассматривал новую Лену. И в его глазах я увидела то, чего не было раньше. Это был не контроль. Это был голод.

– Ну как? – спросила я, чувствуя, как внутри зарождается странное, пьянящее чувство силы.

Дамиан подошел вплотную. Взял меня за лацканы жакета, чуть потянул на себя. – Ты готова, – произнес он тихо. – Карина захлебнется собственной желчью.

– А ты? – вырвалось у меня. – Ты доволен своей инвестицией?

Он скользнул взглядом по вырезу жакета, где виднелась ложбинка груди. Поднял глаза к моим губам. – Инвестиция оправдала ожидания, – он убрал прядь моих новых, шелковых волос за ухо. – Теперь осталось проверить тебя в полевых условиях.

– Куда мы едем? – спросила я, чувствуя, как его близость снова включает во мне режим "кролика перед удавом", но теперь у кролика были клыки.

– К моей матери, – ответил он, и улыбка исчезла с его лица. – И поверь мне, Лена, по сравнению с ней Карина – это безобидный котенок. Если ты пройдешь этот уровень, ты

придешь всё.

Пока "Майбах" рассекал пробки, пробиваясь к клинике, Дамиан проводил инструктаж. Он говорил сухо, рублено, словно зачитывал тактико-технические характеристики вражеского танка.

– Элеонора Андреевна Барская. Шестьдесят два года. Вдова. Держит контрольный пакет акций нашего медиа-холдинга. Не повышает голос. Никогда. Если она начинает говорить шепотом – беги.

Я нервно поправила манжет жакета, который стоил дороже, чем вся мебель в моей квартире. Ткань холодила кожу, напоминая, что это не одежда, а сценический костюм. – Она знает про меня? – спросила я, глядя на свое отражение в темном стекле. Оттуда на меня смотрела незнакомая, красивая и очень жесткая женщина.

– Она знает факты. Я скинул ей результаты ДНК-теста. Для неё кровь – это религия. Миша для неё – святыня, потому что он Барский. А ты... – он сделал паузу, оценивающе скользнув взглядом по моему профилю. – Ты для неё пока что "биологический контейнер", который посмел скрыть актив семьи.

– Очаровательно, – фыркнула я. – Звучит как начало прекрасной дружбы.

– Мне не нужна ваша дружба, Лена. Мне нужен нейтралитет. Она сожрала Карину за полгода, хотя у той был папа-министр. Тебя она попробует на зуб в первые пять минут. Твоя

задача – не сломаться. Не оправдываться. И не пытаться ей понравиться. Просто будь матерью наследника. Этот статус в её системе координат неприкосновенен.

Машина остановилась у входа в клинику. На этот раз швейцар открыл мне дверь с поклоном на пять сантиметров ниже, чем утром. "Armor works", – подумала я. Одежда меняет не только тебя, она меняет гравитацию вокруг.

Стук моих новых шпилек по мрамору холла звучал как автоматная очередь. Я шла рядом с Дамианом, стараясь копировать его походку – уверенную, размашистую, хозяйскую. – Спину, – шепнул он мне, не поворачивая головы. – Выше подбородок. Ты несешь корону, а не ведро с водой.

Мы поднялись на этаж VIP-отделения. Охранники у двери палаты №1 вытянулись в струнку. – Элеонора Андреевна внутри? – спросил Дамиан. – Да, босс. Читает сказки.

Дамиан положил руку мне на талию. Это был жест поддержки и одновременно предупреждения: "Не отступать". Он толкнул дверь.

Палата изменилась. Исчез запах лекарств. Теперь здесь пахло французскими духами "Chanel No. 5" – тяжелый, альдегидный аромат старых денег. На тумбочке стояла огромная ваза со свежими белыми розами (откуда они взялись?). А в кресле у кровати сидела Она.

Элеонора Андреевна Барская выглядела так, словно сошла с обложки журнала "Vogue" для тех, кому за шестьдесят и у кого есть личный остров. Идеальная укладка "холодная

волна", жемчужное ожерелье на строгом твидовом костюме, прямая, как струна, спина. В руках она держала книгу. Миша слушал её, открыв рот.

При нашем появлении она медленно закрыла книгу и отложила её на столик. Повернула голову. Её глаза были такими же серыми, как у Дамиана и Миши. Семейная сталь.

– Дамиан, – произнесла она. Голос был низким, глубоким, с едва заметной хрипотцой курильщицы. – Ты опоздал на семь минут.

– Дела, мама, – Дамиан подошел и поцеловал воздух рядом с её щекой. – Знакомься. Это Елена.

Она не встала. Она просто перевела взгляд на меня. Это был рентген. Она просветила мой новый костюм от Артура, мою идеальную укладку, мой макияж. Я физически почувствовала, как она сдирает с меня эту дорогую шелуху, добираясь до сути. До девочки из хрущевки.

Я выдержала взгляд. Не опустила глаза. Вспомнила слова Дамиана: "Ты мать наследника". – Добрый вечер, Элеонора Андреевна, – произнесла я ровно.

– Елена... – она покатила мое имя на языке, словно проверяя на вкус, нет ли яда. – Смирнова, если не ошибаюсь?

– Скоро Барская, – вмешался Дамиан, кладя руку мне на плечо. – Мы подали документы. Миша получит мою фамилию, а Лена переезжает к нам.

Бровь Элеоноры Андреевны взлетела вверх на миллиметр. Это было максимальное проявление эмоций, которое

она себе позволила. – Вот как. Стремительно.

Она наконец перевела взгляд на Мишу, который смотрел на нас с радостной улыбкой. – Мама! – крикнул он. – Смотри, бабушка читает про рыцарей!

Слово "бабушка" из его уст прозвучало сюрреалистично. Железная Леди и "бабушка". Но лицо Элеоноры Андреевны смягчилось. Лед в глазах подтаял. Она протянула руку в перчатке (она была в перчатках в помещении!) и поправила одеяло внуку. – Он чудесный, Дамиан. Умный. Развитый. И копия твоего отца.

Затем она снова посмотрела на меня. Лед вернулся. – Вы хорошо за ним ухаживали, милочка. Вопреки... обстоятельствам. СБ доложила мне, в каких условиях рос мальчик. Грибок на стенах. Сквозняки.

Удар под дых. Она знала всё. Я сжала зубы. – Я любила его, – ответила я тихо, но твердо. – Любовь не зависит от квадратных метров. И он жив, здоров и счастлив. Это моя заслуга.

Тишина повисла в палате. Дамиан напрягся рядом со мной, готовый вмешаться. Но Элеонора Андреевна вдруг... улыбнулась. Едва заметно, уголками губ.

– У вас есть зубы, – констатировала она. – Это хорошо. В нашей семье беззубых съедают до десерта. Костюм вам идет, кстати. Работа Артура? Узнаю почерк. Немного агрессивно, но для вашего типажа – сойдет.

Она грациозно поднялась с кресла. – Я уезжаю. У меня

совет попечителей в опере. Дамиан, завтра жду вас обоих на обед. Обсудим... стратегию защиты от прессы. Карина уже начала лить грязь, мне звонили из "Tatler".

Она подошла ко мне. Остановилась так близко, что я почувствовала запах её духов – сложный, винтажный, подавляющий. – Не думайте, что я вас приняла, Елена, – прошептала она так, чтобы не слышал Миша. – Вы украли у меня три года жизни моего внука. Я этого не прощу. Но вы мать. А Барские своих не бросают. Не позорьте моего сына – и мы, возможно, поладим.

Она кивнула Дамиану и вышла из палаты, оставив после себя шлейф "Шанель" и ощущение, что нас только что переехал асфальтоукладчик, но очень вежливо.

– Фух, – выдохнул Дамиан, ослабляя узел галстука. – Ты жива?

– Кажется, да, – я прижала руку к груди. Сердце колотилось как бешеное. – Она... мощная.

– Она монстр, – поправил он с ноткой гордости. – Но теперь она наш монстр. Ты прошла тест, Смирнова. Она пригласила на обед. Это значит, тебя впустили в ближний круг.

Я подошла к кровати Миши. Сын смотрел на меня с легким недоумением. – Мама? – он потрогал мой шелковый рукав. – Ты такая... гладкая. И волосы другие. Ты принцесса теперь?

Я улыбнулась, глотая ком в горле. Наклонилась и поцеловала его в макушку. – Нет, зайчик. Я теперь рыцарь. В до-

спехах.

Дамиан подошел с другой стороны. Мы стояли над кроватью нашего сына, как две башни, охраняющие сокровище. – Мы забираем его завтра утром, – сказал он. – Врачи дали добро. Палата в пентхаусе готова. Няня из агентства приедет к девяти.

– Няня? – я вскинулась. – Я сама буду...

– Ты будешь занята, – перебил он. – Завтра у нас интервью для "Forbes Life". Эксклюзив. "Возвращение блудного отца и его тайная любовь". Мы должны опередить Карину и задать свой нарратив.

Он взял мою руку и поднес к губам. Поцеловал костяшки пальцев – жест, от которого у меня подкосились ноги. – Готовься, Лена. Сегодня была разминка. Завтра начинается настоящее шоу.

Я посмотрела в его глаза. Там горел азарт охотника. Я была в его команде. В его постели (пока фигурально). В его доме. Я стала частью империи Барских. И назад дороги не было.

– Я готова, – ответила я, и на этот раз мой голос не дрогнул. – Давай сыграем в эту игру, Дамиан. Но запомни: если я выиграю... приз будет мой.

– Какой приз? – он прищурился.

– Моя свобода.

Он рассмеялся. Тихо, хрипло, интимно. – Мечтай, Смирнова. Мечтай.

Глава 6. Под прицелом

Я думала, что знаю, что такое яркий свет. Я ошибалась. Настоящий свет – это не операционная лампа и не софиты в салоне Артура. Настоящий свет – это тысячи вспышек, которые взрываются одновременно, превращая пасмурное питерское утро в стробоскопический ад.

Стоило стеклянным дверям клиники разъехаться в стороны, как на нас обрушилась стена звука. Щелчки затворов слились в единый треск, похожий на стрёкот гигантских механических цикад. Выкрики журналистов, смешанные с шумом дождя, напоминали гул разъяренного улья.

– Мистер Барский! Сюда! – Кто эта женщина?! – Это правда, что у вас есть сын? – Елена! Посмотрите в камеру! Елена!

Я инстинктивно дернулась назад, в спасительную тень холла. Мой новый кашемировый костюм цвета слоновой кости вдруг показался мне бумажным. Он не защищал. Он был мишенью.

– Не останавливайся, – голос Дамиана прозвучал у самого уха, спокойный и жесткий, как бетонная свая. – Улыбайся. Ты счастлива. Мы возьмем сына домой.

Он шел слева от меня, держа на руках Мишу. Сын был завернут в синий плед так, что видна была только макушка в смешной шапке с помпоном. Лицо ребенка было прижато к широкому плечу отца, спрятано от хищных глаз толпы.

Дамиан свободной рукой обхватил меня за талию, прижимая к своему боку. Его пальцы впились в ткань пальто, направляя, удерживая, не давая сбежать. Мы двигались единым монолитом. Живой таран, пробивающийся сквозь стену любопытства и жадности.

– Охрана, коридор! – рявкнул начальник СБ Дамиана, и четверо амбалов начали оттеснять репортеров, создавая узкий проход к машине.

– Мама, почему они кричат? – глухо спросил Миша из своего укрытия. В его голосе звенели слезы. Он боялся громких звуков.

– Это игра, боец, – ответил за меня Дамиан, не замедляя шага. – Мы секретные агенты. Нас раскрыли. Наша задача – добраться до базы незамеченными. Не поднимай голову.

Мы вышли под дождь. Вспышки ослепляли. Я чувствовала себя слепым котенком, которого тащат за шкурку. "Не моргай. Не сутулься. Улыбайся". Я растянула губы в улыбке, которая, наверное, больше походила на оскал черепа.

– Дамиан Александрович! Комментарий для "Life"! Вы подтверждаете слухи о шантаже? – Елена, вы работали уборщицей в его офисе?

Вопрос прилетел откуда-то справа, грязный, липкий. Я споткнулась. Дамиан резко остановился. На долю секунды. Он повернул голову в сторону кричавшего – рыжего парня с микрофоном. Взгляд Барского был таким ледяным, что парень поперхнулся и опустил камеру. Дамиан ничего не ска-

зал. Он просто уничтожил его взглядом и двинулся дальше.

Водитель Константин распахнул заднюю дверь "Майбаха". Мы нырнули внутрь, как в спасательную капсулу. Дверь захлопнулась, отсекая шум. Тонировка скрыла нас от мира.

Только тогда я смогла выдохнуть. Воздух со свистом вырвался из легких. Руки тряслись так, что я сцепила их в замок. – Господи... они же звери.

– Они стервятники, – поправил Дамиан, устраивая Мишу поудобнее на своих коленях. – Они питаются падалью. Если ты жива и здорова – ты им не интересна. Им нужна драма. Кровь. Грязь.

Миша выбрался из пледа, растрепанный, с красными щеками. – Мы на базе? – спросил он, озираясь по сторонам.

– Мы в капсуле, – Дамиан поправил ему шапку. – Летим на базу. Ты молодец, сын. Не выдал себя.

Миша просиял. Для него это было приключение. Для меня – публичная казнь.

Машина тронулась, раздвигая толпу бампером. Я видела через стекло перекошенные лица людей, пытающихся заглянуть внутрь. – Они назвали меня уборщицей, – прошептала я, глядя на свои идеальные ногти. – Карина постаралась.

– Пусть называют хоть Папой Римским, – Дамиан достал из кармана влажную салфетку и вытер маленькую каплю дождя со щеки Миши. – Через два часа выйдет интервью в "Forbes". Там будет наша версия. Остальное станет неважным.

– Ты уверен? – я посмотрела на него. Он казался несокрушимым. Ни одна вспышка не заставила его моргнуть.

– Я контролирую рынок, Лена. Я могу обвалить валюту одной фразой. Неужели ты думаешь, я не справлюсь с кучкой сплетников?

Мы ехали молча. Миша прилип носом к стеклу, разглядывая капли дождя. Дамиан проверял почту. А я пыталась собрать себя по кусочкам. Я теперь публичная персона. Мое прошлое перекапывают сотни ищек. Моя "хрущевка", мои долги, мои оценки в школе – все это скоро вывалит на всеобщее обозрение.

"Майбах" заехал на подземную парковку Башни Федерации. Снова лифт. Снова взлет на 95-й этаж. Уши заложило. Миша испуганно схватил меня за руку. – Ушки болят!

– Глотай, – скомандовал Дамиан. – Как будто пьешь водичку. Вот так.

Двери открылись. Мы вошли в пентхаус. Вчера я была здесь ночью, и город внизу был просто россыпью огней. Сегодня, при свете дня, вид был еще более ошеломляющим. Облака плыли прямо перед окнами. Москва лежала внизу серой, огромной картой.

Миша замер на пороге, выронив своего медведя. – Ого... – выдохнул он. – Мы на небе?

– Почти, – Дамиан подтолкнул его вперед. – Иди, посмотри. Окна не открываются, стекло бронированное. Можно трогать.

Миша побежал к окну, забыв про боль в животе. Он прижался ладошками к стеклу, глядя вниз с высоты птичьего полета. – Мама! Машинки как муравьи!

Я улыбнулась, глядя на его восторг. Ради этого стоило терпеть вспышки. Ради этого стоило терпеть Дамиана.

– Ему нравится, – тихо сказал Барский, вставая рядом со мной. – Я же говорил.

– Это пока он не захочет погулять во дворе, – парировала я. – Здесь нет песочницы, Дамиан. И нет других детей.

– Мы решим этот вопрос. Я куплю частный детский сад на первом этаже башни, если понадобится.

В этот момент из глубины гостиной, из зоны, где стояли диваны, поднялась женщина. Строгая, в очках, с планшетом в руках. За ней стояли двое мужчин с камерами и осветительным оборудованием, которые они уже успели расставить вокруг камина.

Идиллия "возвращения домой" рассыпалась в прах. Наш дом был не крепостью. Он был съемочной площадкой.

– Дамиан Александрович! – женщина шагнула навстречу, профессионально улыбаясь. – Елена Дмитриевна! Поздравляю с выпиской наследника! Мы готовы. Свет выставлен. Визажист ждет в примерной.

Я застыла. – Уже? – я повернулась к Дамиану. – Мы только вошли! Миша устал! Ему нужно поесть, полежать...

– У нас жесткий тайминг, Лена, – голос Дамиана снова стал металлическим. – Номер сдается в печать в четыре. Мы

должны успеть.

Он подошел к женщине. – Алина, дай нам десять минут. Елена переоденется. Мишу покормит няня – она уже здесь?

– Да, в детской.

– Отлично. Лена, – он посмотрел на меня. Взгляд не терпел возражений. – Иди наверх. Там на кровати лежит платье. Белое. Надевай его.

– Белое? – я усмехнулась, чувствуя, как внутри закипает истерика. – Символ невинности? Или капитуляции?

– Символ чистоты, – отрезал он. – И новой жизни. Не спорь при посторонних. Иди.

Он подошел к Мише, который с интересом разглядывал дядей с камерами. – Боец, сейчас тебя покормят вкусной кашей, а потом мы сделаем несколько красивых фотографий. Ты любишь фотографироваться?

– Не люблю кашу, – насупился Миша.

– Это специальная космическая каша. От нее растут мышцы. Как у Халка.

Миша задумался. – Зеленая?

– Если захочешь – покрасим, – Дамиан подмигнул ему и жестом подозвал няню – женщину средних лет в униформе, которая материализовалась из коридора.

Меня мягко, но настойчиво оттеснили от сына. Няня увела Мишу наверх. Журналистка Алина начала объяснять Дамиану концепцию кадра.

Я стояла посреди гостиной, чувствуя себя реквизитом, ко-

торый временно поставили не на ту полку. "Десять минут". Я поднялась по лестнице. Ноги были тяжелыми, как свинец. В спальне на кровати лежало платье. Белое, кашемировое, с высоким горлом и длинными рукавами. Целомудренное. Дорогое. Платье идеальной жены и матери.

Рядом лежала бархатная коробочка. Я открыла её. Кольцо. Огромный бриллиант огранки "изумруд". Чистой воды, карата на три, не меньше.

Записка под коробкой, написанная размашистым почерком Дамиана: *"Надень на безымянный палец левой руки. Для кадра. И навсегда. Д."*

Я смотрела на сверкающий камень. Он был холодным и прекрасным. Это была не любовь. Это был контракт, отлитый в платине. Я надела кольцо. Оно село как влитое. Тяжелое. Как кандалы.

– Елена Дмитриевна? – в дверь постучали. – Визажист готов.

Я закрыла коробочку. Подошла к зеркалу. В отражении на меня смотрела женщина, у которой было все, о чем мечтают миллионы. И глаза которой кричали о помощи.

– Я иду, – сказала я своему отражению. – Шоу должно продолжаться.

Стеклянные ступени лестницы были скользкими, или это у меня вспотели ладони? Я спускалась медленно, держась за холодные перила так, словно это был поручень на "Титанике".

Внизу царила суэта. Ассистенты двигали отражатели, ви-
ажист раскладывала кисти на журнальном столике за десять
тысяч евро, фотограф щелкал затвором, проверяя свет. Но
стоило мне появиться на лестничном пролете, как шум стих.
Один за другим они поднимали головы.

Первым замолчал фотограф. Потом замерла Алина, дер-
жавшая диктофон у рта. Последним обернулся Дамиан.

Он стоял у камина, опираясь локтем о каминную полку.
В той же белоснежной рубашке, но теперь с расстегнутым
воротом и закатанными рукавами – образ "расслабленного
хозяина жизни". Его взгляд встретился с моим. И в нем я не
увидела привычного холода или расчета. Там вспыхнуло что-
то темное, голодное. Он смотрел на меня так, как мужчина
смотрит на женщину, которую собирается раздеть.

Конечно, это была игра. Я знала это. Он вживался в роль
влюбленного жениха. Но от этого взгляда у меня по спине
побежали мурашки, а соски под тонким кашемиром преда-
тельски отвердели.

– Боже мой... – выдохнула Алина. – Дамиан, ты прятал это
сокровище три года? Я начинаю понимать твою паранойю.

Дамиан оттолкнулся от камина и пошел мне навстречу.
Он встретил меня у подножия лестницы, протягивая руку. –
Ты прекрасна, – произнес он. Громко. Чтобы слышали все.

Я вложила свою ладонь в его. Кольцо с огромным брил-
лиантом сверкнуло в свете софитов, пуская зайчики по сте-
нам. – Я старалась, – ответила я, стараясь, чтобы голос не

дрожал.

Он притянул меня к себе, обнимая за талию. Его ладонь легла на поясницу, обжигая сквозь ткань платья. – Садитесь, пожалуйста, – скомандовала Алина, указывая на диван. – Дамиан, ближе к ней. Елена, положите руку ему на колено. Да, вот так. Чтобы кольцо было в кадре.

Мы сели. Я чувствовала бедро Дамиана, прижатое к моему. Его тепло просачивалось в меня, дурманя, сбивая настройки. Я должна была думать о легенде, о датах, о лжи, которую мы сочинили в машине. Но я думала только о том, как пахнет его кожа.

– Итак, – Алина включила диктофон. Её улыбка была профессиональной, но глаза оставались цепкими, как у хищной птицы. – Давайте начнем с главного вопроса, который сейчас волнует весь светский Петербург. Ребенок. Ему три года. Почему вы скрывали его?

Дамиан переплел свои пальцы с моими. – Безопасность, Алина. Ты знаешь мой бизнес. У меня много друзей, но врагов еще больше. Когда Лена сказала мне, что беременна, я принял решение. Жесткое решение. Вывезти их из страны. Спрятать. Пока я не зачищу поле.

– Вывезти? – бровь Алины изогнулась. – Но наши источники утверждают, что Елена жила здесь. В... скажем так, не самом элитном районе.

У меня перехватило дыхание. Она копала. Карина уже слила информацию.

– Ваши источники устарели, – спокойно парировал Дамиан, даже не моргнув. – Лена жила там неделю. Перед переездом сюда. Она сентиментальна. Хотела попрощаться с квартирой, где прошло её детство, пока я готовил пентхаус к их прибытию. Это была её прихоть. Я не мог отказать.

Он посмотрел на меня с такой нежностью, что я почти поверила. – Правда, милая?

– Да, – подхватила я, включаясь в игру. – Я... я очень привязана к старому дому. Там пахнет бабушкиными пирогами. Дамиан ругался, боялся за нас, но я упрямая.

– О, я вижу, – Алина усмехнулась, делая пометку в блокноте. – А как вы познакомились? Золушка и Принц... Это так романтично, но так неправдоподобно в наших реалиях. Где вы встретились? В библиотеке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.